АНДРЕЙ ЕРПЫЛЕВ
МАВЗОЛЕЙ
ДЛЯ БРАТКА

Андрей Юрьевич Ерпылев

Мавзолей для братка

Серия «Жил-был Анри Четвертый», книга 2

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=154729
А.Ерпылев Мавзолей для братка: Крылов; Санкт-Петербург; 2007
ISBN 5-9717-0360-9

Аннотация

В наше время такие понятия как «любовь» и «дружба» многие считают устаревшими. Совсем иного мнения простой российский парень Георгий Арталетов, в ином времени – бравый шевалье д'Арталетт.

Отстояв свою любовь, он снова бросается в хищные объятья Неведомого Века, чтобы на этот раз вырвать из его когтей друга. Не хотите ли последовать за нашим героем?

Вам станет доподлинно известно, как была основана Хургада, так обожаемая российскими туристами, кто, когда и зачем построил пирамиды, для чего Харону лепта и почему ученые столетиями предлагают любое прочтение египетских иероглифов, кроме истинного. А еще вы узнаете, как победить Голубого Вампира, увидеть Париж и не умереть, сразиться на шпагах с

самим собой… и еще многое-многое другое, порой такое, о чем вы даже не догадываетесь.

Приключения шевалье д’Арталетта продолжаются.

Содержание

Часть первая 8
1 8
2 22
3 41
4 52
5 66
6 77
7 90
8 107
Часть вторая 115
9 115
Конец ознакомительного фрагмента. 120

Андрей Ерпылев
Мавзолей для братка

«Ну когда наконец закончится эта бесконечная дорога…»

Багровое распухшее солнце уже готовилось упасть в море, когда облаченный во все черное всадник (если можно назвать всадником человека, путешествующего на смирном ушастом ослике – таком маленьком, что ноги сидящего на нем едва не достают до земли) остановил свое ушастое средство передвижения у порта.

По совести, то, что перед ним открылось, портом можно было назвать с большой натяжкой. Но как иначе окрестить место, где стоят корабли, даже если их тут всего два? Вернее, полтора, поскольку одно из «плавсредств», делившее убогое пристанище с явно морским судном, казалось чем-то средним между большой рыбацкой лодкой и маленькой речной баржей. При взгляде на него в памяти всплывали названия «корыто» и, почему-то, «ковчег». Последнее, наверное, из-за рогатого скота: мелкого – жалобно блеющего на разные голоса, и крупного – угрожающе мычащего, который весьма непочтительно – пинками – загоняли на борт.

– Чего любуешься, дядя? – окликнули всадника с борта большого судна. – Или купить желаешь?

Всадник откинул черный капюшон, постоянно спадавший

на глаза, и остановил несколько шалый взгляд на говорившем – веселом парне лет двадцати пяти, облаченном в полосатую безрукавку.

– Не советую, дядя, – продолжал балагурить моряк. – Шашлык сделаешь, так пронесет. Скотинка-то полудохлая! Лучше в город поезжай. – Крепкий палец загорелой дочерна руки указал на жалкое скопление глинобитных домишек, видневшееся за пологим холмом. – Вот там барашки, так барашки! А это – тьфу!..

– Прекрати хаять моих баранов, Аганат! – завизжал коренастый краснорожий толстячок, чертиком выпрыгивая из-за борта своей «лайбы». – Не слушайте его, уважаемый господин! Мой скот самый лучший во всем Алеппо!

– Брось, Имах, – заржал моряк. – Всем известно, что две трети твоей дохлятины, если ее не прирезать, сами подохнут от старости еще до конца рейса…

– Лучше моей…

– Я не собираюсь покупать твоих баранов, чужеземец, – наконец разлепил пересохшие губы путешественник. – И вообще, меня интересуешь не ты, а Аганат-перевозчик.

– Я? – удивился моряк, на которого показывал тощий узловатый палец пришельца. – А за каким лядом? Ты кто таков будешь, дядя?

– Афанасий Харюков, – гордо представился всадник, спешиваясь и не без труда утверждаясь на длинных тощих но-

гах. – Дьяк хоронного приказа.

– А-а-а, харон… – без особенного энтузиазма протянул Аганат, почесывая пятерней в затылке, и неторопливо спустился на берег по шатким дощатым сходням. – Тогда кажи лепту, харон. А то Господь вас тут разберет, шляются всякие…

– Не поминай имя Божье всуе, нечестивец! – строго одернул его дьяк, бережно разворачивая извлеченный из седельной сумы полотняный сверток. – Вот моя лепта!

Моряк долго вертел в руках грубое подобие человеческого лица, вылепленное из глины, прикидывая его и так и эдак.

– Боком повернись… Вроде похож, – пожал он плечами, возвращая глиняную личину обратно. – И печати на месте… Хотя знавал я одного умельца, навострячившегося подделывать и не такие лепты…

– Не мели ерунды!

– А я что? А я ничего… А чего это у тебя, харон, провожатых никого? Отстали, что ли? Или сошку какую мелкую везете?

– Не твоего ума дело.

– Это точно, что не моего… – вздохнул Аганат и вежливо указал на сходни: – Тогда грузись, бушприт тебе в нактоуз[1]. Только сам, а то погрузка ведь тоже не моего ума дело…

Тут солнце коснулось раскаленным краем воды и, так и не зашипев, начало величаво погружаться…

---

[1] Морские термины, к делу совсем не относящиеся.

Часть первая
Миражи пустыни

1

«Хочу туда, где ездят на верблюдах…»
Из популярной песенки

«Ох, и не люблю же я эти перемещения!.. – ворчал про себя Сергей, отплевываясь от мельчайшего, словно мука, песка, в изобилии набившегося в рот. – Ни разу как надо не получилось…»

Действительно, еще ни одно из путешествий Дорофеева не обошлось без накладок, варьирующихся от мелких неприятностей, подобных сегодняшней, до серьезных проблем. То ли нежная техника не выдерживала его тяжелого накачанного тела, то ли какой-нибудь ирреальный фактор вроде полумифического «биополя» вмешивался, но сбои следовали один за другим, удручая своей последовательностью. А еще и… изобретательностью, что ли…

На этот раз его выбросило в «точку приземления» в перевернутом состоянии, воткнув головой в песчаный бархан. Слава Всевышнему, это оказался всего лишь сыпучий пу-

стынный грунт, подобно снегу в степи легко перемещаемый даже незначительным ветерком. А если бы на его месте зиждилась слежавшаяся и прочно скрепленная корнями растений дюна? Вряд ли тогда это показалось бы мелочью…

Сергей наконец очистил рот от песка (хотя при каждом движении челюстей на зубах все равно противно скрипело) и, с горем пополам, протер запорошенные глаза. Теперь можно было и осмотреться.

Хоть тут обошлось без сбоев!

Метрах в пятидесяти от небольшой воронки, из которой путешественник только что выбрался, красноватый песок облизывал слабенький прибой, а дальше расстилалось бескрайнее водное пространство: вблизи – лазорево-голубое, а вдали – ярко-синее, подернутое частой сеткой из мириадов ярких бликов. Позади же, далеко-далеко, сквозь матовую дымку проступали розово-голубые горы, будто нарисованные акварелью на небосводе, а над всем этим великолепием сияло ярчайшее солнце, даже не белое, а напоминающее застывшую вспышку электросварки… Что, впрочем, и ожидалось.

– С прибытием на курорт, Сергей Витальевич! – от души поздравил себя Дорофеев, поднимаясь на ноги и отряхиваясь.

Рассиживаться на месте не стоило, поэтому он, не торопясь, отошел к кромке прибоя. Там, присев на корточки в хорошо знакомой каждому русскому человеку позе (поче-

му-то кажущейся всем иностранцам, кроме азиатов, чудовищно неудобной), Сергей принялся наблюдать.

Несколько минут спустя в том же месте, там, где он только что испытал пустынный грунт на прочность, материализовалась аккуратно сложенная груда тюков, коробок и ящиков самого разного вида, размера и веса.

Отчасти сие сооружение напоминало египетскую пирамиду – если и не масштабом, то уж точно неподъемностью составных частей, в чем «хрононавту» предстояло вскоре убедиться на собственном опыте. Носильщиков, «боев» и прочей обслуги в гостинице под названием «Пустыня» не предвиделось.

«Странно, почему-то неодушевленные предметы всегда перемещаются в том же положении, в котором находились при старте, – подумал Сергей, первым делом вытаскивая из пирамиды коробку с холодным баночным пивом. – Не иначе загадка природы…»

* * *

Роскошные ландшафты «подводных джунглей» неторопливо проплывали внизу, то обесцвечиваясь в синеватой дымке глубины, то наливаясь сочными красками на мелководье. Порой коралловые ветви, лепестки и рога, такие нежные и бестелесные на вид, но бритвенно-острые на ощупь, хищно поднимались к самой поверхности, и пловцу приходилось

виртуозно лавировать между ними, чтобы ненароком не уподобиться древнему самураю и не стать жертвой незапланированного харакири. Иной коралл почище катаны[2] будет…

Но Сергея Дорофеева такая перспектива совсем не пугала, поскольку к новичкам он себя давно не причислял, а премудрости дайвинга и шноркелинга[3] освоил еще лет десять-двенадцать назад, в числе одного из первых российских туристических десантников высадившись на полупустынные тогда египетские пляжи. И хотя большинство их тех, кто тогда вместе с ним «парили кости» под жарким солнышком давным-давно охладели к сомнительным прелестям арабского сервиса и перебрались в иные, более комфортабельные места (а некоторые – на тюремные нары или под массивные памятники из черного мрамора), он по-прежнему оставался верен «коралловому раю посреди пустыни».

Очарованный Египтом раз и навсегда, Дорофеев давно сбился со счета своим вояжам сюда, а теперь решил разнообразить впечатления и повидать давно знакомые места в первозданном, так сказать, облике.

Заодно, кстати, избавиться от назойливых провожатых, инструкторов и блюстителей закона, границы которого готовы были растягиваться в любую сторону, соответственно толщине кошелька туриста…

---

[2] Катана – самурайский меч.

[3] Дайвинг (от англ. «Diving») – погружение с аквалангом, шноркелинг (от нем. «schnorchel» – дыхательная трубка) – плавание с маской, трубкой и ластами.

Едва заметно перебирая ластами, Сергей плавно скользил над сюрреалистическими зарослями, еще не знакомыми с регулярными нефтяными потопами, сбросами всякой химической гадости и хищными руками охотников за морскими диковинами. Кстати, и с удивительной способностью аборигенов использовать так лелеемые и оберегаемые ими от туристов кораллы и раковины вместо щебенки для строительного раствора. Премерзкого качества раствора, нужно заметить.

Снующие тут и там пестрые рыбы-бабочки, неповоротливые ядовито-яркие морские попугаи, меланхолично обгрызающие коралловые лапы, бестелесные, похожие на шампуры сарганы – все это мало интересовало охотника… Да-да, охотника, ибо сейчас путешественник держал в руке длинное гарпунное ружье, владение которым в современном нам с вами Египте, не говоря уже о применении, обошлось бы ему в весьма кругленькую сумму или сулило бы несколько месяцев отсидки в не самой комфортабельной на свете тюрьме. На выбор.

Но возможность поохотиться на морскую живность без помех, забросить в лазурные волны уловистую блесну, а вовсе не традиционный туристический крюк толщиной с палец на леске-тросе, а потом к тому же зажарить пойманный трофей на угольях и съесть его, запивая добрым вином, и подвигла московского бизнесмена на нынешнее путешествие в глубь времен.

А еще – отколоть от кораллового куста понравившуюся ветку, скорее похожую на произведение гениального художника, чем на продукт слепого размножения микроскопических полипов, достать с сумасшедшей глубины огромную радужную раковину, схватиться с разъяренным осьминогом… Словом, проделать все то, чего дико хотелось ранее, но не всегда получалось по разным причинам, главная из которых – труднообъяснимые извивы местной логики…

Сегодня почему-то охота не клеилась. То ли погода пошаливала и вся достойная внимания добыча предпочитала отсиживаться на глубине, доступной лишь навороченному батискафу, то ли за полторы недели новый неведомый хищник в лице Сергея успел распугать старых… Одним словом, единственной за все утро потенциальной мишенью оказалась молодая акула, да и та задала такого стрекача при одном виде охотника, что преследовать ее не имело никакого смысла. Наверное, о блокбастере будущего «Челюсти» под множеством порядковых номеров она и не подозревала. А может, попросту трезво оценивала свои силы.

«Перебраться километров на десять дальше по берегу, что ли? – в сотый раз спрашивал себя Дорофеев, но перспектива убить пару дней на перебазирование всего лагеря на такое плевое, в общем-то, расстояние, ужасала. – Или подождать еще?..»

Мысли текли непривычно плавно – мозг уже перестроился на неторопливое житье отдыхающего и наотрез отказы-

вался выдавать скоропалительные рекомендации. Да, в конце концов, и не в добыче дело, главное – процесс…

Удача, как обычно, улыбнулась именно тогда, когда пловец твердо решил поворачивать к берегу.

Крупная – более полутора метров длиной – барракуда вывернулась из какой-то неприметной расщелины между кораллами, по обыкновению – неожиданно, словно материализовалась из дымчатой глубины. Может быть, она приняла незнакомую, неуклюжую на вид живность за нечто несъедобное, а может быть, и имела уже опыт знакомства с людьми, но ей хватило одного лишь взгляда, чтобы принять верное решение. Увы, поздно…

Стрела гарпуна бесшумно скользнула к жертве и легко пробила насквозь ножевидное тело, окрасив воду бурым кровяным облачком. Будь рыба помельче, этого ей, вероятно бы, и хватило, но на сей раз хищник попался матерый и так легко расставаться с жизнью не пожелал.

Знали бы вы, сколько раз за это утро, мотаясь на хвосте разъяренной рыбины, Сергей пожалел, что отправился на охоту, сколько раз его рука тянулась к укрепленному на лодыжке ножу, чтобы перерезать прочный японский линь, сколько раз ему удалось чудом увернуться от кораллов, естественно принявших в схватке сторону раненого земляка…

Часы на запястье у Дорофеева, конечно, имелись, но следить за временем, когда пошла такая пляска, – боже упаси! И лишь когда утомленная хищница подпустила охотника на

расстояние руки, а лезвие ножа, вонзившись в бессмысленно глядевший куда-то круглый глаз, поставило долгожданную точку, Сергей понял, что устал, и устал неимоверно.

За всю погоню ему удалось хлебнуть воздуха всего раз пять-шесть, и теперь легкие горели, словно он смену отработал у доменной печи (а что, бывало и такое в его весьма разнообразной и разносторонней жизни). Поэтому, бросив безжизненный трофей опускаться на дно, он поплыл вверх, к манящему ртутному зеркалу поверхности…

Сердце бухало строительным молотом, пурпурная пелена застилала глаза, и так мало что видящие из-за росы на стекле маски, и поэтому лишь хлынувший в грудь благословенно живительный воздух подсказал уставшему Сергею, что он уже наверху. И еще ворвавшийся в уши плеск волн и крики чаек… И еще чей-то тонкий заунывный голос:

– Брат! Корарр нерьзя, брат!.. Штраф…

* * *

– Слушай! Благодарен я тебе, брателло, – терпение Дорофеева было на исходе, – только отстань от меня. Чего тебе нужно-то?

Молоденький египетский рыбак, наткнувшийся на обессиленного пловца в паре километров от берега, конечно, очень помог ему, доставив к лагерю, но вот понять, чем и как отблагодарить доброхота, было выше Сергеевых сил. Не

доллар же ему совать бумажный? Вообще-то, собираясь на отдых, бизнесмен специально выбрал безлюдные в прошлом берега, поэтому и не побеспокоился о местной валюте. Да, вообще-то, и не задумывался, были ли у древних египтян деньги или жили они натуральным обменом. Бартером, так сказать.

Все попытки всучить парню пригоршню завалявшейся в кармане мелочи (чем черт не шутит – авось российские рубли, «двушки» и пятерки пополам с евроцентами и штатовскими «никелями» и «даймами»[4] сойдут за какие-нибудь динарии) наткнулись на стену непонимания. Та же судьба постигла швейцарские часы и не без труда стянутую, скрепя сердце, с безымянного пальца массивную золотую «гайку». Абориген, все так же сверкая идеальным рядом белоснежных зубов, недоуменно повертел вещи в руках и протянул обратно.

– Ну и фиг с тобой! – осерчал Сергей, стягивая гидрокостюм и облачаясь в свою повседневную одежду – холщовые шорты и распашонку, пошитые каким-то модным в свое время кутюрье, чье имя Дорофеев благополучно забыл сразу же после того, как оплатил своей «Визой» счет со многими нулями, а прочитать на фирменных «лэйблах» поленился. – Созреешь – сам скажешь…

К его немалому удивлению, «древний египтянин» немно-

[4] «Никель» – жаргонное название в США пятицентовой монеты, «дайм» – десятицентовой.

го изъяснялся на русском, примерно в том же объеме, что и современный гостиничный «бой» в той же Хургаде или Шарм-эль-Шейхе. Вот только английских слов этот тощий, невысокий и смуглокожий парень не понимал напрочь, а арабского языка не знал сам Дорофеев. Да и не похоже было щебетание рыбака на гортанную арабскую речь. Тем более звук «л» в ней вообще отсутствовал.

«Вот заковыка! – размышлял путешественник, роясь без особенной цели в палатке. – Ну, средневековая Франция там, монгольское нашествие, то да се… А тут-то откуда русский знают? Да еще в эту эпоху. Я ж во времена фараонов нацелился. Тогда мои древние соотечественники с берез уже определенно спустились, но последних мамонтов гоняли еще каменными топорами… Или уже бронзовыми? В любом случае – о туризме еще и не помышляли. Ерунда какая-то…»

Он украдкой выглянул из палатки в надежде, что абориген устал ждать материального проявления благодарности и несолоно хлебавши отчалил восвояси. Но не тут-то было.

Парень присел на корточки на самом солнцепеке и, не переставая улыбаться, пялился на копошащегося в «шатре» пришельца. Жара, похоже, не производила на него ровно никакого впечатления.

«Вот же черт жароустойчивый! – ругнулся про себя Дорофеев, выуживая из давно початого ящика литровую бутылку „Смирновской“. – Остается только „огненная вода“. Говорят,

дикари на нее ужас, какие падкие… А до Корана пока еще не доросли – пей, не хочу».

– Теплая, зараза…

Глушить водяру в такую рань, на жаре, да еще почти горячую, словно чай, не входило в число его привычек – то ли дело вечерком, радикально остуженную в походном холодильнике на солнечных батареях, под деликатесную закуску да приятную музычку… А придется – закон гостеприимства, едрить его…

– Будешь? – вслух спросил он парня, выбираясь на свет Божий, и с тоской поглядел в пышущие жаром белесые небеса. – На, держи. – Пластиковый стаканчик, наполненный до краев кристальной влагой перекочевал в оливковые, по-детски тонкие руки «спасателя». – За дружбу между народами, в общем!

Однако абориген сразу озадачил Сергея еще больше.

Он тут же выплеснул водку, будто простую воду, даже не понюхав, но принялся с восхищением разглядывать копеечный сосуд со всех сторон.

– Мягкий стекро! О, Исида! Чудо!..

Ошарашенный увиденным, Дрофеев хлопнул свою «рюмку», даже не занюхав ритуально «карденовским» рукавом…

* * *

Утро встретило путешественника не благословенной ти-

шиной, обычно нарушаемой лишь плеском волн, а шумом полноценного восточного базара. Причем не за окнами отеля или туристического автобуса, а непосредственно над ухом.

В непередаваемой какофонии смешались звуки многоголосой гортанной ругани, звон металла, блеянье баранов, рев ишаков и даже какая-то заунывная мелодия.

– Кого это нечистый принес на мою голову? – простонал Дорофеев, пытаясь зажать ладонями уши, но помогло это мало.

Ладно бы он проснулся свежим и умиротворенным, готовым возлюбить этот мир, как все последние дни, так нет… Неудачно принятая внутрь на солнцепеке «микстура» усугубила последствия подводной охоты, и голова теперь трещала не хуже грецкого ореха, зажатого между дверью и косяком. Кто бы мог подумать, что эффект окажется таким смертоубийственным? Эх, знал бы, где упасть…

А базар (во всех смыслах) за тонкой брезентовой стенкой тем временем набирал мощь. Видимо, его участники, как это бывает на Востоке, старались перекричать друг друга и все вместе в этом очень преуспели, напоминая рок-концерт в самом разгаре. Разве что тот хотя бы минимально имел какой-то ритм и зачатки гармонии, а этот базарный рок проистекал прямиком из первобытного Хаоса.

– Заткни-и-итесь!.. … …!!! – прорычал бизнесмен, выбираясь из своего убежища. – Какого хрена!!!

Зрелище, открывшееся ему, не просто потрясало.

Вокруг палатки, еще вчера одинокой, собралось неисчислимое множество собратьев давешнего аборигена, от голопузой годовалой соплюшки до седоголового старика с длиннющей бородой из трех волосинок. Мало того: пришельцы привели с собой всю свою живность, за спинами толпы уже виднелись остовы спешно сооружаемых жилищ, а берег кишел разномастными суденышками, слепленными «из того, что было». И, естественно, непременные спутники человеческих скоплений – грязь, вонь и прочие прелести… О дикости и первозданности теперь предстояло забыть.

– Привет, брат! – лучезарно улыбаясь, выступил вперед расфуфыренный в нечто разноцветное индивидуум, в котором Сергей с огромным трудом опознал своего вчерашнего спасителя. – Вербрюд хочешь? Папирус хочешь?

Дорофеев не верил собственным глазам.

Голодранец, которого он помнил облаченным в одну лишь повязку, обматывающую торс от бедер до ключиц, и то напоминающую половую тряпку не первой свежести, теперь щеголял в просторных пестрых одеяниях, щедро усыпанных желтыми бляшками, цветом подозрительно смахивающими на его, Сергея, «печатку» престижной двадцатидвухкаратной пробы[5].

«Ну, приподнялся, пацан… Неужто с моего стакана?»

---

[5] В ряде зарубежных государств принята не метрическая, а каратная система пробирования благородных металлов, по которой чистому металлу соответствует 24 карата. Таким образом, 22 карата это 917-я проба.

– Мягкий стекро! – словно подслушал его мысли паренек. – Родка хочешь? Зорото хочешь?

– Ты!.. – наконец выдавил из себя разъяренный путешественник. – Какого х… – Он махнул рукой в сторону растущих не по дням, а по часам сооружений, уже непоправимо изгадивших вид на когда-то девственно чистый берег: – Вам тут х… ли надо?..

– Хури надо… Хур надо… – затараторили на все лады собравшиеся, ослепляя улыбками не хуже фотовспышек. – Хур нада…

– Ага! – важно кивнул нежданно-негаданно разбогатевший рыбачок. – Хургада…

2

Шар огня завершает свой круг надо мной.
Я иду и иду, в край, обретший покой.
И уходит жара, ноги месят песок,
Из оставшихся сил я бреду на Восток.
И пока я смотрю на святую звезду,
Выжимая себя, я бреду и бреду…
Кирилл Фрац. «Пустыня»

Мерная поступь дромадера усыпляет не хуже, чем покачивание люльки с грудным ребенком, особенно если верблюд никуда не торопится, не вынужден подчиняться палке погонщика, а шествует в том ритме, который ему удобен. Это хорошо известно всем путешественникам, хоть раз пересекавшим пустыню на спине не такого красивого, как лошадь, но незаменимого в жарких широтах животного. Теперь это не понаслышке узнал и Георгий.

В остальном приятных сторон путешествие не имело. Вообще никаких.

Нестерпимая жара днем, почти полярный холод ночью, лимитированный расход воды (какое там умывание: пить приходилось строго по расписанию) и песок, песок, песок и еще раз песок. Мелкий, нудный, проникающий везде и всюду, как будто обладающий собственной волей… Его приходится ежечасно вытряхивать из одежды и волос, выковыри-

вать из ушей, глаз, ноздрей… И всего остального. Не жара или жажда главный бич странника в пустыне, а главное зло здешних мест – вездесущий песок…

Даже неутомимая и неукротимая Жанна, беспрестанно радовавшаяся и восхищавшаяся всем на свете в первый день путешествия, к исходу третьих суток как-то сникла. Все чаще застывала она на горбу своего индифферентного ко всему иноходца, подолгу вглядываясь в бесстрастную даль великого песчаного моря, словно водный свой аналог покрытого пологими застывшими волнами. Что же говорить о ее спутниках, не таких жизнерадостных по природе?

Арталетов привычно, на ощупь, достал из вьючного мешка армейскую фляжку, обтянутую защитным «хабэ», с противным скрипом песчинок, каким-то образом проникших в резьбу, отвинтил пробку… А потом – поднес к губам и начал пить, пить, пить – булькая и захлебываясь восхитительной животворящей влагой, чувствуя, как прохладные струйки стекают по обожженной коже, щекотно катятся за воротник…

Увы, это была всего лишь игра распаленного воображения, несбыточная мечта обезвоженного организма. На самом деле Жора позволил себе лишь взвесить на ладони полупустую емкость и осторожно, чтобы не пролить ни капли, выцедить пару лилипутских глоточков теплой, как вчерашний остывший чай, безвкусной и явственно отдающей железом жидкости. Жутко хотелось позволить себе еще глоток, но он

пересилил себя и судорожным движением спрятал флягу обратно. До заката еще пилить и пилить.

– Жорж! – Мягкая ладонь неслышно подобравшейся Жанны легла на сгиб локтя. – Хочешь глоточек? У меня много осталось – я мало пью…

Милые встревоженные глаза, полные неподдельной жалости, в узкой щели белого платка, по-бедуински заматывающего голову.

– Н-нет, Аня… – Как ни велик был соблазн, Георгий не мог позволить себе обокрасть любимую. – Я не хочу…

– И не вздумайте! – тут же встрял Дмитрий Михайлович, тот самый неприятный тип, оказавшийся на поверку ученым, да не простым, а доктором физико-математических наук, трудившимся номинально в одном из закрытых (теперь уже и в прямом, и в переносном смысле) НИИ. – Никакой дележки! Каждый пьет только то, что ему положено по суточному лимиту. Вы что, помереть тут хотите? До оазиса всего какие-то сутки пути!

– А какого черта – прости меня, Жанна, – вы, профессор, затащили нас в самый центр Сахары! – вскинулся Арталетов, с самого начала недолюбливавший изобретателя «хрономобиля». – Не могли, что ли, поближе к цели? Собираетесь нас сорок лет по пустыне таскать, как ваш далекий пращур?

– Если надо будет – потаскаю! – тут же ощетинился Гореншетейн, который терпеть не мог никаких намеков на свою национальность. – И сорок, и сто сорок!.. Вы что, хотели,

чтобы я вас посреди Фив высадил? На рыночной площади? Богом местным решили стать или демоном?

– Не ссорьтесь! – вклинилась между ними Жанна. – Зачем?..

– А от вас, Георгий Владимирович, я такого не ожидал! – продолжал кипятиться доктор наук. – Сами ведь…

– Кто «сами»? – снова взвился Жора. – Что вы имеете в виду? Договаривайте уж, раз начали…

– Представитель технической интеллигенции, вот кто «сами»! – фальцетом завизжал Горенштейн, предусмотрительно обходя скользкую тему. – А рассуждаете как настоящий черносотенец! Охотнорядец!

– Это я-то черносотенец?.. Вы, горе-энштейн! Говорите, да не заговаривайтесь!..

– Тихо! – крикнула девушка, привстав на своем верблюде. – Смотрите!

Оба мужчины нехотя прервали перепалку, в последнее время ставшую привычной, чем-то вроде ежечасного ритуала, и вгляделись в расплывающуюся в мареве даль.

Из-за далекого морщинистого бархана поднимался столб дыма или пыли, едва заметный на фоне бледного пустынного горизонта.

* * *

– Грицю, а, Грицю… – канючил плотный коренастый

всадник, замотанный полосатым платком так, что едва виднелись лишь кончик красного, обгоревшего на солнце и облупившегося носа да воинственно торчащие рыжеватые усы, сделавшие бы честь самому Тартарену из Тарраскона. – Ну сколько можно ихать и ихать?

– Сколько нужно – столько и можно! – отрезал второй, точно так же обмотанный полосатой тканью, но на вид гораздо выше ростом и черноусый. – Не стони, Петро, и так на душе тошно!..

В нескольких шагах позади мерно покачивалась в седлах сотня казаков. Многие дремали, не выпуская из рук узды. Да и привычные ко всему на свете кони, кажется, тоже дремали на ходу.

Авангард десятитысячного казачьего войска, далеко оторвавшийся от основных сил, плутал в пустыне вторые сутки. Подобной задачи есаулу Грицко Мамлюку еще не выпадало ни разу: найти в бескрайнем песчаном море каких-то ливийцев, завязать бой и держаться до подхода остальных казаков под предводительством старого атамана. Так и сказал Опанас Мамлюк, приходившийся сотнику двоюродным дядей по отцу: «Найди, Грицю, клятых ливийцев и бей в хвост и в гриву, да в узду, да в копыто, щоб не вывернулись, а мы уж пособим!..»

Бить в хвост и в гриву есаул умел и любил. На том и поднялся из простых казаков, что смолоду ни одной маломальской схватки без его проворного клинка не обходилось. И

что интересно, при этом он сумел сохранить не только голову, но и все остальные части тела, как основные, так и второстепенные, но от этого не менее нужные. Особенно эти самые…

Доверие старого атамана он принял как должное и оценил. Вот знать бы еще, где искать их, этих чертовых ливийцев, да как они выглядят… Не будешь же спрашивать всякого встречного-поперечного: «Ты не ливиец, часом, мил человек?..»

Да и попробуй встретить его здесь, этого встречного-поперечного. Опять же: если встретишь, то как проверить, правду тот скажет или нет? Не ливиец, соврет, а на самом деле самый что ни на есть ливиец! Не рубать же всех подряд шашкой? Эх, пойди туда, не знаю куда – найди то, не знаю что…

– А як они кажут, ливийцы эти, прости Господи? – осенил себя размашистым крестным знамением настырный Петро. – Чи с рогами або без рогов?

Тоже, кстати, Мамлюк, урядник Петро. Троюродный брат. Да в войске старого атамана, почитай, все были Мамлюками, кто полтавский Мамлюк, кто черкасский… Исстари так повелось… Масюки, правда, еще есть, но то совсе-е-м другое…

– Слышь, Грицко? Шо это за ливийцы такие? Чоловики хоть або нечисть какая?

– А!.. Чего?.. – вскинулся в седле хорунжий. – Где ливийцы?

– Та нет ничого, Грицю… Я вот кажу…

– Фу ты, черт! – плюнул на раскаленный песок Грицко и, спохватившись, перекрестил рот от нечистого. – Никак задремал я, Петро?..

– Ага! – непонятно чему обрадовался приятель. – Задрых, як сурок!

– Чего регочешь? Вторую ночь в седле… Хоть бы уж оазис какой попался – коней расседлать да напоить… Да и хлопцам какой-никакой роздых нужен.

– Да и я про то же! Эх, завалиться бы в травку, да с милкой…

Есаул привстал в стременах и оглядел из-под ладони горизонт. Опять ничего…

Он было плюхнулся обратно в седло, чтобы перехватить еще десяток минут сладкой дремоты, как наметанный глаз разглядел далеко-далеко в розоватой дымке подозрительную черную точку. Что за диво? Ага, вот еще две…

– Слышь, Грицю…

– Да отзынь ты, прорва!.. – цыкнул на приятеля командир. – Глянь лучше, что это там? Не блазнится мне, часом?

– Где? – недоверчиво сощурился Петро, но тут же, подобравшись, цапнул рукоять кривой сабли, щегольски выложенную серебром. – А ведь это ливийцы, Грицю… – радостно выдохнул он, воинственно закручивая пшеничный ус. – Гадом буду, ливийцы…

* * *

– Может быть, это смерч? – осторожно спросил Горенштейн, мигом растеряв весь апломб. – Или самум какой-нибудь… Я вот слышал…

– Это уж вам лучше знать, Дмитрий Михайлович, – ядовито перебил ученого Арталетов. – Это ведь вы нас сюда затащили. Я лично в пустыне никогда не бывал и не слишком этим удручен…

– Тихо! – снова одернула спутников Жанна, напряженно вглядываясь в пустынное марево. – Я в песках тоже не была, но пыль эта определенно из-под копыт всадников. Причем не одного-двух… Месье алхимик, вы не подозреваете, кто бы это мог быть?

– Во-первых, сколько мне раз вам повторять, милочка, что я не алхимик!.. Но это неважно сейчас… А во-вторых, это могут оказаться кто угодно. И хетты, и ливийцы, и те же самые египтяне…

– А у египтян разве были верховые лошади? – вмешался Георгий. – Они же вроде бы лишь на колесницах перемещались?

– Понимаете… – задумчиво потер переносицу ученый. – Тут вот какое дело… Несомненно, в чем-то вы правы, но вот Геродот…

– Жорж, милый, – схватила Арталетова за рукав девуш-

ка. – Оставьте ваши споры, теперь это действительно не так важно…

Из-за бархана, разворачиваясь на скаку в цепь, появилась целая орава конников, дико визжащих и размахивающих над головой сверкающими клинками. Так и хочется написать «вынеслась», но представьте себе лошадь, скачущую по рыхлому песку. Вот-вот. Так что конники приближались к нашим путникам весьма неторопливо, если не сказать чинно.

– Чего смотрите! Бежим!..

Но бежать, собственно, было уже некуда: трех всадников довольно споро обходил до поры скрытый за песчаными холмами, десяток чужих кавалеристов, старающийся не поднимать излишнего шума…

– Нас окружают!

Что и говорить, окружали по всем правилам военного искусства…

Еще не совсем забытый дворянский гонор Жоры дал о себе знать. Кровь ударила ему в голову, и, мгновенно преобразившись в шевалье д'Арталетта, он привычно цапнул рукоять оружия:

– Уходите, я их задержу!..

Увы, только сейчас он вспомнил, что в погоне за «исторической достоверностью» поддался на уговоры проклятого профессора и оставил дома верную шпагу… Теперь ладонь, привычная к изящному эфесу, сжимала корявую ручку чего-то среднего между кухонным ножом и серпом знаменитой

мухинской «колхозницы».

«Он бы, гад, еще молот подложил…» – горько подумал Арталетов, даже не представляя, как подобным уродцем можно обороняться, не говоря уже об атаке в традициях благородного фехтовального искусства.

«Пацифист хренов. „Мы не собираемся там воевать… – передразнил он про себя Горенштейна. – Мы мирная спасательная экспедиция…“ Что им теперь: арию спеть? Или сплясать?..»

Жанна, тоже сосредоточенно шарившая по тюкам и сумкам в поисках хоть чего-нибудь напоминающего орудие для умерщвления себе подобных, завидев то, чем вооружился ее возлюбленный, опустила руки. Худо-бедно нарубить колбасу для закуски этим чудом оружейного ремесла неведомой эпохи еще можно, но что касается прочего…

– Чего вы на меня смотрите? – нервно заерзал на своем скакуне Дмитрий Михайлович под полными укоризны взглядами спутников. – Вы что, хотели, чтобы я вот этими собственными руками создал анахронизм? Чтобы заставил все последующие поколения ломать голову над неразрешимой исторической загадкой? Поверьте: древние египтяне железа не применяли. Даже не знали его!..

– А у этих, – горько поджав губы кивнула Жанна на приближающихся головорезов, – сабли что, из овсянки с салом?

– Ну, я не знаю… – развел руками историк. – Возможно…

Договорить ему не дали…

– А ну брось ножик! – Слова всадника, замотанного в полосатый платок до рыжеватых усов, явно были обращены к единственному из троицы вооруженному человеку, то есть к Жоре. – А то щас как вдарю – мало не покажется!

– Брось, Жорж! – испуганно воскликнула девушка. – Ради меня брось, милый!

Строить из себя камикадзе в данной ситуации было попросту глупо, тем более все надлежащие приличия были соблюдены. Арталетов, пожав плечами, бросил свою бронзовую «железяку» на песок, но с таким видом, чтобы спутники ни на миг не усомнились: он бы сражался до последнего…

Обступившие путешественников всадники, уяснив, что те не собираются сопротивляться, тоже опустили свои устрашающего вида сабли, шашки и всякие там прочие скимитары. Повисла гнетущая тишина, похожая на ту, при которой среди бурного застолья принято поминать органы правопорядка. Отчетливо было слышно, как осыпается в ямки следов сухой песок, и как бурчит в лошадиных животах…

– Вы не ливийцы, часом, будете, господа странники? – не выдержал паузы рыжеусый.

– Не… Нет… – с некоторым облегчением вразнобой ответили странники, смекнувшие, что их приняли не за тех, кого нужно, а значит, и немедленная расправа откладывается на неопределенный срок. – Не ливийцы мы…

Старшина чужаков с лязгом бросил в ножны свой клинок, размотал укрывающую лицо тряпицу, утер ей пот со лба и в

сердцах сплюнул на песок.

– «Ливийцы, ливийцы…» – напустился он на рыжеусого. – Заладил, как попка-дурак!.. Какие же это ливийцы? Разуй глаза, шляпа! То ж наши. И гуторят они по-нашему. И дивчина, глянь, у них кака гарная! Ну разве могут у ливийцев быть такие дивчины?!..

– Откель же я знал? – слабо сопротивлялся рыжеусый, разводя руками.

– Мабуть, у них вообще нету ни баб, ни дивчин, у энтих ливийцев… – не слушал оправданий командир.

– Как же так? – недоуменно встрял кто-то из всадников, до сих пор хранивших почтительное молчание. – Неужто нету? А откуда ж оне берутся-то, ливийцы энти?..

– А оттуда! – рявкнул усач.

– Но как?..

– А так! – уже не столь так уверенно заявил старший, до которого, видимо, стала доходить вся бессмысленность собственного утверждения. – Так…

Все снова озадаченно замолчали, переваривая столь невозможное дело, как полное и всеобъемлющее отсутствие женского пола у загадочных ливийцев.

– Возможно, вы не совсем правы… – осторожно начал было Дмитрий Михайлович, ощущавший насущную потребность вмешаться в зарождающийся научный спор, но Жанна исподтишка так двинула говоруна в бок острым локтем, что у того сразу отпала охота устанавливать истину.

– А Бог их знает, этих ливийцев, – внезапно махнул рукой командир, чувствовавший, что безнадежно увязает в собственной гипотезе. – Все у них не как у людей!

– Это точно!.. – облегченно зашевелились подчиненные, на которых пугающая невозможность сказанного давила гранитной плитой. – Оно ведь как бывает… И так бывает, и этак… Но чтобы совсем без баб…

– А вы, господа проезжие, ничего, часом, не слыхивали про этих ливийцев? – с надеждой спросил рыжеусый, когда прения сами собой сошли на нет.

Он тоже как-то незаметно размотал свою повязку и теперь постреливал глазами в сторону несколько смутившейся Жанны. Незнакомец оказался молодым, симпатичным и настолько походил на одного из героев телесериала «Бригада», записного сердцееда и жуира, что Георгий ощутил явственный укол ревности.

Теперь настал черед задуматься нашим героям.

Вопрос, конечно, интересный, но кроме «Ливийской Арабской Джамахирии», «Триполи» и «Муаммара Каддафи» Арталетову ничего путного на ум не шло, и он отрицательно покачал головой, справедливо решив, что обитателям прошлого такая «полезная» информация все равно ни к чему… Следом за ним замотали головами и спутники. На лице профессора еще отражались какие-то сомнения, но девушка, чувствовалось, и слова-то такого раньше не слыхала.

– Эх, жаль… – пригорюнился командир, разглаживая во-

роные усы. – Ну что, казаки… – Но договорить он не успел.

Пустыня вокруг буквально вскипела, то ли расступаясь и выпуская наружу, то ли материализуя из песчаных смерчиков каких-то существ, без колебания с воем кинувшихся в атаку на пришельцев.

– Ливийцы-ы-ы! – пронеслось по рядам казаков, и тут же первые атакующие были встречены сверкающими клинками.

Волей-неволей наши путешественники оказались в самой гуще сражения и были вынуждены принять в нем самое живейшее участие. Жора подхватил свой «серп», пластая налево и направо этим неказистым орудием наседавших со всех сторон чужаков, а Жанна отцепила жердь для палатки, притороченную к седлу ее верблюда, лихим ударом переломила о колено, превратив в подобие нунчака, и принялась молотить двумя половинками по чему придется.

Видавшая виды бой-девица сражалась бы даже голыми руками, не попадись под руку чего-нибудь более-менее подходящего. К тому же Бог даровал всем представительницам прекрасного пола острые коготки и зубки… Даже миролюбивый Горенштейн, после того как в толстую подошву его туристического ботинка вцепилась мертвой хваткой одна из тварей, заработал биноклем на длинном ремешке, будто кистенем, лупцуя противника и не думая о сохранности дорогой оптики.

И все равно нападавших было слишком много… Они гибли десятками и возрождались сотнями, словно головы мифи-

ческой Лернейской Гидры. С каждым поверженным поднимались двое, а то и трое. Прошло совсем немного времени, а сбившиеся в тесный кружок казаки и примкнувшие к ним путешественники были окружены сплошным кольцом врагов, завывавших на сотни голосов и протягивающих к путникам когтистые лапы. Благо, у них не было никакого оружия, иначе исход битвы был бы предрешен.

Крак!

Арталетов, только что сразивший самого настырного из песчаных демонов, с недоумением уставился на обломок «серпа» не длиннее пальца, торчащий из рукояти сломанным зубом. Бронзовое чудо оборонной техники не выдержало сумасшедшего ритма схватки и приказало долго жить. Мгновением позже осталась без одной из дубинок Жанна, да и Дмитрий Михайлович был вынужден уступить сразу двум агрессорам, затеявшим с ним увлекательную игру под названием «отбери бинокль». Участок обороны, за который отвечала наша троица, на глазах превращался в ее слабое место

– Держи! – с трудом расслышал Жора сквозь вой и улюлюканье пустынной орды и, неведомо каким чувством побужденный, успел выставить в сторону руку и чудом поймать за темляк брошенную кем-то шашку.

Между прочим, не поймай он ее, бритвенной остроты лезвие легко сделало бы харакири его горбатому скакуну… Но любовно вырезанная и отполированная рукоять уже удобно легла в привычную к шпаге ладонь, и отточенная сталь при-

нялась разить врагов направо и налево. А что до техники… Шпага шестнадцатого столетия тоже больше рубящее, чем колющее оружие!

С шашкой в руке Арталетов легко мог прикрыть своих спутников, оттесняя их себе за спину, и старый пацифист не слишком такой опеке противился, бормоча под нос что-то о недопустимости вмешательства в исторические процессы.

Но только не Жанна…

Чертовка ужом проскользнула под обороняющей дланью любимого, ежесекундно рискуя попасть под его «карающий меч», и ринулась в самую гущу противника.

– Жанна, назад! – взвыл Георгий, чудом удержав клинок в сантиметре от огненно-рыжей головки. – Назад!..

Не тут-то было.

Отважная всадница на обезумевшем верблюде носилась среди отшатывающихся в разные стороны нападавших, озадаченных такой отвагой жертвы, и что-то разбрасывала… нет, расплескивала кругом.

– Да она с ума сошла! – ахнул за спиной Арталетова Дмитрий Михайлович. – Она же нас без воды оставит!..

И действительно, Жанна размахивала большим «артельным» бурдюком с водой, щедро кропя тварей, всеми силами старающихся избежать неожиданного «душа». И не зря – вода, попадая на пустынных демонов, оказывала такое же действие, как концентрированная кислота на человеческую плоть.

«Обваренные» враги, дымясь, крутились волчком, катались по песку, верещали на разные лады. Их мучения вселяли в уцелевших еще больший ужас, чем сверкающий частокол сабельных клинков. Более того: там, где вода попадала на песок, тот успокаивался и уже не выпускал наружу новых чудищ.

Жанне потребовалось всего несколько минут, чтобы рассеять нападавших и обратить их в бегство, а разгром довершили казаки. Они настигали улепетывавших врагов и крошили их в капусту. Неторопливая эта погоня по рыхлому песку производила фантасмагорическое впечатление!

– Тю! – Грицко Мамлюк наконец разглядел вблизи одного из агрессоров, вернее, его голову, нанизанную на острие шашки, покрытой вместо крови какими-то желто-зелеными разводами. – Да какие же это ливийцы? Это ж бесы обычные!

– Да ну! – усомнился спорщик Петро, в свою очередь, словно дыню, накалывая на шашку еще одну рогатую, уродливую башку, благо подобного добра вокруг валялось немерено. – Где ж бесы, Грицю? Натуральные ливийцы! Самые что ни на есть!

– Где ж ты, ирод, – напустился командир на друга, – видал рогатых ливийцев? Говорю «бесы», значит, бесы!

– У бесов два рога, а тут… раз, два, три… много, одним словом. Значит, не бесы, – не уступал упрямец. – И хвост опять же…

Живо вступившие в дискуссию казаки (а серьезно ране-

ных, не говоря уже об убитых, к счастью, не оказалось) разом поделились на три части. Две примерно равные по числу части горячо отстаивали правоту одного из спорщиков, перед другим, а третья, меняя точку зрения с удивительной быстротой, мигрировала из одного «лагеря» в другой, подчиняясь то одному, то другому «сверхубедительному» аргументу.

Даже Арталетов, Жанна и Горенштейн поддались гипнозу спора. Первый требовал выяснить – люди нападавшие или нет. Вторая горячо убеждала расставить все точки над «i» с помощью простого животворящего креста, а третий бубнил нечто маловразумительное об учении Жоржа Кювье[6] и сравнительной анатомии.

Как всегда, развязка наступила неожиданно.

Голова твари, вполне мирно болтавшаяся на лезвии Петровой шашки, которой тот в запале жестикулировал в воздухе не хуже иного итальянца, совсем не думая при этом о безопасности окружающих, (казаки, впрочем, не обращали внимания и уклонялись от клинка с равнодушием привычных людей лишь тогда, когда тот действительно угрожал, а кони просто прижимали уши, пропуская со свистом проносящуюся над ними стальную полосу), мало-помалу сползла до рукояти и…

– У-у-у!!! М-м-м-мать его!..

---

[6] Жорж Кювье (1769—1832) – знаменитый французский естествоиспытатель, своего рода Менделеев от зоологии, разработавший свою систему сравнительной анатомии, т. е. определения внешнего вида живых существ по их малейшим останкам, которая используется и поныне в палеонтологии.

Взвыв от боли, Петро рывком стряхнул с шашки голову и виртуозно, на лету, перекрестил ее клинком так, что на песок упали четыре равные дольки.

– Кусается, зараза… – пожаловался он почему-то Жанне, засовывая в рот окровавленный палец.

– Вот! – обличающе указал на еще шевелящиеся на земле обрубки Грицко. – А ты заладил: «Ливийцы, ливийцы…» Да разве честный ливиец так поступил бы? Только бес. А по-научному выражаясь – шайтан. Правильно я говорю? – обратился командир к Дмитрию Михайловичу, и тот немедленно согласился с оратором, сам не зная почему. – Послушай лучше ученого человека, чудило!

Парадоксальный аргумент, как ни странно, убедил всех без исключения…

– Ну что, казаки, – закончил старший Мамлюк мысль, которую прервало внезапное нападение. – Коли никаких ливийцев тут нет, разведку, стало быть, мы завершили успешно. Айда назад!..

Вся ватага радостно загомонила и гурьбой тронулась прочь от путешественников, больше не обращая на них никакого внимания. Те, несколько поостыв после горячки боя, теперь трезво подсчитывали свои шансы выжить без запасов воды.

Лишь предводитель и его спутник, проехав вперед на несколько шагов, пошептались и потом разом обернулись:

– А вы разве не с нами?..

3

От сумы и от тюрьмы не зарекайся.
Народная мудрость

Тот, кто никогда не бывал в тропиках, не представляет, как может раскалиться песок под почти отвесными лучами солнца. А если еще босые ноги проваливаются в обжигающую рыхлую субстанцию по щиколотку и выше…

«Зато ревматизмом болеть никогда не буду… – думал Дорофеев, стараясь ступать в следы шедших перед ним. Так было прохладнее, и острые песчинки не столь ранили нежную кожу, не привыкшую к подобным экзекуциям. – Вот уж пропарю косточки, так пропарю… Терапия, блин!..»

Цепь, пристегнутая к ошейнику, слава богу кожаному, а не металлическому, дернулась, и Сергей привычно подавил желание матюгнуться. Тем самым он не только оградил нравственность окружающих, но и уберег собственные плечи от очередного горячего «поцелуя» бича. Что делать – плетущимся по жаре пленникам строго-настрого запрещалось подавать голос, тем более произносить незнакомые заклинания с упоминанием родственных связей, сексуальных отношений и различных органов.

Бедолага, с которым горе-путешественик двигался в одной связке, был замотан с макушки до тощей задницы гряз-

ной, пропыленной и пропотевшей тряпкой. Но личность его для Дорофеева не представляла никакой тайны. Справа от Сергея в двойном ряду бедолаг тащился давешний его спаситель – рыбачок, внезапно обогатившийся и за кратчайшее время успевший совершить обратную эволюцию. Весьма распространенный случай – как в наше время, так и в древности.

– Не тормози, блин, – в сердцах пробормотал Дорофеев сквозь зубы, награждая горемыку полновесным пинком под зад. – Урою на привале!..

Добровольная помощь конвою приветствовалась всегда и во все времена, поэтому карающий бич лишь свистнул над ним, обдав мимолетной прохладой, и обрушился всем весом на жалобно взвизгнувшего соседа.

«Ничего… – мстительно подумал бизнесмен, стараясь не слушать причитаний наказанного. – Тебе, гаденыш, не привыкать… Вот ведь втравил в попадалово!»

Сквозь качающиеся перед глазами смуглые запыленные спины и раскаленные гребни барханов на миг проступило призрачное море…

* * *

…Райский еще недавно отдых превратился для Сергея в сущую каторгу сразу после нежданного-негаданного основания будущего центра пляжного отдыха, столь знакомого

всем россиянам лихой «демократической» поры.

Если еще вчера он наслаждался одиночеством и свободой, то теперь получил все девяносто девять туристических удовольствий, обрушившихся на единственную многострадальную голову. День-деньской разношерстная толпа таскалась за ним, расхваливая на все лады свои немудреные товары, ассортимент которых за прошедшие века мало изменился, сомнительного свойства аттракционы вроде катания на единственном в стойбище облезлом верблюде и еще более сомнительные плотские удовольствия.

К удовольствиям относилось уединение в шатре с одной из множества сладострастно похихикивающих соискательниц, принимавших ванну во время прошлого дождя, то есть лет пятнадцать назад, или, за неимением кальяна, употребление внутрь какой-то местной дури в жидком состоянии.

Последняя имела вид отвратительнейшей бурды, вероятно сваренной из того же верблюжьего навоза, но действовала почище водки под кальян, если судить по тому факту, что добрая треть населения новорожденной Хургады постоянно пребывала в сладостной нирване. Жалко, что, согласно заведенному раз и навсегда порядку, потребление «снадобья» происходило строго посменно…

Сафари по пустыне, за неимением кондиционированных джипов и квадрациклов, проводимое все на том же верблюде, тоже не привлекало.

Иной народец, отчаявшись покорить приезжего своими

«чудесами», давно бы бросил столь гиблое занятие и вернулся к общественно-полезному труду. Но только не египтяне. Недаром они всегда славились своим непоколебимым упорством. Но и Дорофеев никогда не достиг бы в бизнесе хоть какого-нибудь успеха, не обладай он упрямством длинноухого парнокопытного.

Вследствие этого обе стороны пребывали в состоянии перманентной ничьей, не имевшей ни единого шанса на успех.

Проще всего было бы переместиться обратно, плюнув на багаж, но у Сергея были свои резоны «отдыхать» здесь не менее трех месяцев, а по возможности и более. Поэтому «прыгнуть» назад он решил лишь при прямой угрозе жизни. А до этого пока не дошло.

Хуже всего, что он не мог даже на полчасика окунуться в манящую прохладой глубину, вынужденный плескаться на мелководье, не выпуская из виду лагерь. А особенно столпившихся на берегу «соседей», которые любой взгляд в свою сторону расценивали как приглашение к рекламе сервиса.

Аборигены оказались совершенно безобидными, как мартышки, отличаясь той же проворностью и феноменальной вороватостью. Слава Всевышнему, большинство дорофеевских вещей их просто не интересовало, не то он давно остался бы ни с чем.

«Плюнуть на все, прикупить у них же лодку покрепче, погрузиться и отчалить куда-нибудь? – горько размышлял

Сергей, сидя в тени палатки и пуляя мелкими ракушками в настырных маленьких египтян, протягивающих клочки папируса и грубые статуэтки: малыши оказались фантастически изворотливыми, и ни один „снаряд“ еще не достиг цели. – Без толку… Всей Хургадой вслед поплывут… Сафагу какую-нибудь заложат на новом месте или Марса-Алам, а то и Шарм-эль-Шейх… Эх, пропал отдых!..»

Должно быть, он слишком увлекся своими невеселыми мыслями, поскольку не заметил, когда ребятня вспугнутыми мышками прыснула во все стороны, а на его босые ноги легла чья-то тень.

– Ну, и чего надо? – привычно буркнул Сергей, уверенный, что приперся очередной попрошайка.

Но в ответ услышал:

– Высокий правитель Полуденного Нома Великой Та-Кемет повелевает тебе, чужеземец, явиться под его суровые очи для справедливого суда и надлежащего наказания.

Более всего в велеречивой фразе Дорофеева поразил правильный выговор без ставшего привычным «рыканья»…

* * *

«Хрономобиль в коробке под запасным спальником, – повторял про себя Сергей, не делая попытки вскочить на ноги: прямо перед лицом подрагивали два зазубренных наконечника копий, в любой момент готовых качнуться вперед. – Он

уже настроен, и нужна лишь пара движений…»

– А в чем, собственно, меня обвиняют? – спросил он, глядя снизу вверх на высокого плечистого пришельца, только что произнесшего формулу ареста, за прошедшие века мало изменившуюся – разве что вместо казенной бумаги с лиловой прокурорской печатью арестованному предъявляли более убедительные аргументы. – Я мирный путешественник…

В первый момент Дорофеев решил, что слуга закона, явившийся по его душу, когда-то обгорел на пожаре или перенес не самую безобидную кожную болезнь – слишком уж неподвижно было его терракотовое лицо. К тому же коряво, словно дубовое полено. Однако мгновение спустя он понял свою ошибку: истинный лик пришельца скрывала грубо вылепленная глиняная маска, в которой даже не удосужились проделать отверстия для рта – только для глаз. А в остальном…

А в остальном он тютелька в тютельку походил на египетского фараона из учебника Древней истории. Да что там учебник! Сергей в своих многочисленных путешествиях по Египту нашего времени вдосталь нагляделся на рисунки и изваяния, чтобы опознать вновь прибывший персонаж.

Такой же, как и у фараонов, полосатый платок, ниспадающий на плечи, такая же юбка с передником, щедро украшенная желтыми бляшками в виде скарабеев, такое же роскошное ожерелье на шее… Только длинный кнут или, вер-

нее, бич в руке, вместо скипетра, да не совсем понятные слова о правителе какого-то Полуденного Гнома слегка портили картину.

– В чем тебя обвиняют? – задумчиво переспросил «фараон». Из-за маски слова звучали глухо, почти угрожающе. – В чем обвиняют?..

Несколькими минутами позже Дорофеев был поставлен в известность о том, что нарушил, наверное, практически весь египетский уголовный кодекс того времени. Его прегрешения простирались от, в общем-то, нестрашных поступков вроде самовольной застройки на казенных землях (палатка – не иначе) до таких серьезных правонарушений, как совращение малолетних, мошенничество в особо крупных масштабах, вовлечение в секту и даже подготовка государственного переворота.

На такую мелочь, как изготовление отравы (водка, наверное), контрабанда и браконьерство в территориальных водах даже внимания обращать не стоило: разве повредят трижды обезглавленному и дважды посаженному на кол лет тридцать каторжных работ в совокупности?

– А как со свидетелями?.. – начал было Сергей, но тут же прикрыл рот: откуда-то из-за палатки, подталкивая древками копий, подручные «фараона» вывели изрядно потрепанного приятеля того рыбачка-спасителя, за прошедшие дни обретшего имя – Рамоон-Аюррур, или просто «Ромка». Ну, приятель или нет, а только Дорофеев не раз видел их вместе.

– Это он!.. Это все он!.. – запричитал египтянин, размазывая по лицу кровавую юшку. Его разбитые губы, и без того не тонкие, смахивали на вареники: о недопустимости физического воздействия на арестованных и прочей «общечеловеческой» ерунде тут еще, похоже, и не подозревали. – Я все скажу!..

Мгновение – и под таким же конвоем появился понурый Ромка (Сергей злорадно отметил, что не только одежды на нем были разорваны – с них методично ощипали едва ли не три четверти драгоценной «фурнитуры»).

– Сдали, зар-разы… – пробурчал себе под нос бизнесмен, незаметно запуская руку под складку полога.

Конечно, по инструкции следовало надеть цепочку «хрономобиля» на шею, но, на крайний случай, устройство должно было сработать и так. Надо лишь нажать вот здесь и…

– Что ты там ищешь, чужеземец? – Движение не укрылось от глаз «блюстителя». – Хочешь, чтобы я добавил к обвинению еще и сопротивление властям?

– Все в порядке, гражданин начальник, – буркнул Дорофеев. – Личные вещи взять можно, надеюсь?

– Личные – можно. Но не больше. Все имущество конфисковано.

– Круто…

Как жалел путешественник, что поддался на уговоры проклятого Горенштейна и, кроме гарпунного ружья, не взял с собой настоящего оружия – оно бы сейчас не помешало…

Эх, пистолет бы или лучше старый добрый «калаш» с полным рожком… Мечтать не вредно. Ничего. Сейчас он эффектно растает в воздухе перед изумленными законниками, и, возможно, это станет поводом для какой-нибудь легенды или предания…

«Куда же делся проклятый прибор? – Рука по-прежнему ничего даже отдаленно похожего на „хрономобиль“ не нащупывала. – Не может такого быть. Не должно быть… Неужели…»

* * *

Очередной рывок цепи едва не повалил Дорофеева наземь, вырвав из раздумий.

«Придушу паразита!» – зло подумал он и только развернулся к напарнику, чтобы отвесить тому очередного леща, как что-то мощное – отнюдь не бич надсмотрщика – ударило в спину, швырнуло, словно пушинку на песок, сунуло лицом в раскаленную рыхлую мякоть, огнем обжегшую кожу…

– Акер[7]! Акер! – запричитали со всех сторон. – Спаси нас Осирис! Акер!

По спине лежащего кто-то пробежал, слава богу босиком, еще раз рвануло за шею, потом за связанные веревкой руки, кто-то заполошно взвыл над ухом…

[7] Акер – в Древнем Египте бог земли и покровитель умерших, изображавшийся обычно в виде льва.

«Что происходит? – Сергей пытался подняться на ноги и хоть как-то протереть скрученными впереди кулаками запорошенные песком глаза, но его раз за разом сшибали и вдавливали в песок бегущие, похоже совсем не обращая внимания на то, что у них под ногами.

– Акер! – вопили вокруг. – Аке-е-е-ер!!!

Наконец ему удалось встать на колени и с грехом пополам смахнуть запорошивший глаза песок.

Лучше бы он этого не делал.

Прямо перед лицом, обдавая смрадным дыханием, торчала равнодушная морда зверя, изучающего жертву холодными, почти бесцветными глазами.

«Лев?.. Откуда?.. Разве в Египте есть львы?.. Или раньше были?..»

Могучая лапа со здоровенными когтями поднялась и осторожно приблизилась к лицу Дорофеева, заставив его сердце провалиться куда-то ниже желудка. Смертельно захотелось зажмуриться, но откуда-то изнутри, словно вытесненная упавшим сердцем, всплыла абсолютно чужая спокойная мысль, что именно зажмуриться – смертельно. Только пока не прерывается визуальный контакт между зверем и человеком, последний будет жить.

Лапа коснулась щеки и медленно провела по коже. Точно так же кошки трогают незнакомый предмет, стараясь понять – съедобен тот или нет, опасен или им можно поиграть немного. Только «лапка» эта при желании могла легко за-

крыть собой все лицо и с такой же легкостью вообще смахнуть голову с плеч… Сердце стремительно рухнуло ниже, а в глубине бледно-зеленых глаз зверя с не по-кошачьи круглыми, совсем человеческими зрачками мелькнуло что-то похожее на усмешку…

В следующий миг зверь исчез, словно растворившись в воздухе, и Сергей остался один.

Нет, не один. Рядом, под крошечным барханчиком, завозилось что-то живое. И тут же на поверхность вынырнула перепуганная, смутно знакомая от облепившего ее песка мордашка с круглыми глазами на пол-лица.

– Акер ушер?

– Ушер, Ромка, ушер, – ответил Дорофеев, сгибаясь пополам от внезапного приступа неудержимого истерического смеха. – Смерть наша с тобой ушер!..

Он крутил в руках размочаленный кусок веревки, несколько минут назад связывавший их пару с остальными…

4

Это не береза. И не яблоня. Это вообще хрень какая-то…
И. В. Мичурин

– Ну и чего мы добились?

Меньше всего лачуга, в которой с горем пополам разместилась «спасательная экспедиция», походила на гостиницу. «Отель в ползвезды» – так иронически назвал их убогое пристанище Горенштейн, хваставшийся, что в свое время живал и в пятизвездочных «постоялых дворах». Спутники его слова сомнению не подвергали, поскольку лучшими образчиками гостиничной сферы, с которыми познакомился за свою жизнь Арталетов, были пансионаты Черноморского побережья Кавказа, еще при «развитом социализме», а обстановка в среднестатистическом жилище той эпохи, где доселе обитала Жанна, вполне соответствовала окружающей ее в данный момент.

Одним словом, было куда приклонить голову, имелись стол и пара шатких трехногих табуретов – что еще нужно усталому путнику, неделю мыкавшемуся по раскаленной пустыне? «Удобства» на заднем дворе? Кухни и комнат как таковых нет вообще? Так что с того? Главное – колодец, наполненный водой. Тепловатой, но вполне годной как для питья, так и для прочих нужд.

Петро Мамлюк, отряженный атаманом, чтобы проводить неожиданно свалившихся путников до города, задачу выполнил «на отлично»: разместил в своей, временно пустующей, «квартире» и отбыл обратно – догонять войско, упорно рыскавшее по Сахаре в поисках загадочных ливийцев.

А что вы хотели? Казаки – люди служивые, приказ есть приказ, он не обсуждается. Велят каких-нибудь собакоголовых людей искать – найдут. Тем более что информации о них будет побольше, чем о ливийцах. Вон и на картах их земли обозначены, и даже они сами нарисованы. Сурьезные такие, в зипунах подпоясанных и в чалмах на песьих головах. Ну, собакоголовые люди, и все тут. Ничего особенного. А ливийцы эти…

Все-то было понятно в этой жизни уряднику Мамлюку, всю дорогу до Фив напропалую волочившемуся за кокетливой попутчицей, несмотря на явное недовольство Арталетова, то и дело крутившего так и не сбритый второпях «дворянский» ус. А Жанна, чертовка, еще и масла в огонь подливала: то ладошку будто невзначай на казачий бицепс положит, то шашку подержать попросит… Будто и не было между д'Арталеттом и Красной Шапочкой ничего. Ведьма рыжая, одним словом.

И ведь что характерно: не вызовешь же простодушного парня на дуэль – не при дворе Генриха Четвертого, не оценят… К тому же шашку после боя вежливо попросили обратно, а серп без молота – плохой заменитель верной шпа-

ги французского шевалье, и вообще… Всплывал в памяти старый анекдот про Илью Муромца и мушкетера: «А обсыпь-ка мне, Алеша Попович, этого франта мелом – я его палицей…»

Техника фехтования у противников разная, вот в чем дело…

Так что когда казак с заметным сожалением откланялся, Георгий вздохнул свободнее, хотя и дулся на подругу какое-то время для порядка. Будет знать, вертихвостка, как со всякими встречными-поперечными шуры-муры крутить!..

Но все его раздражение развеялось, как дым, когда выяснилось, что хитрая девчонка выклянчила у простака напоследок запасной клинок и смиренно преподнесла любимому в знак примирения. Все-таки, как ни крути, а с саблей на боку привыкший к холодному оружию путешественник уже чувствовал себя не таким и беззащитным.

Гораздо более грустным фактом оказалось то, что Фивы, про которые Горенштейн еще пару дней назад мог разливаться соловьем не хуже дипломированного гида, на поверку оказались совсем не такими, как в его пространных рассказах. Да и лежали вовсе не там, где следовало. То ли вообще не те это были Фивы, то ли опять, как и с только что покинутым Парижем, тут было не все в порядке.

– Ну что это такое? – вопрошал Дмитрий Михайлович, гневно тыча перстом в православную церквушку, которой место было где-нибудь в Ростове Великом, а вовсе не на аф-

риканской земле. – Ну откуда здесь христианский храм? Не коптский, заметьте, хотя и тому рановато, а православный! И куда, скажите на милость, девался знаменитый Карнак? Я ведь сам, вот этими руками, не далее как в прошлом году касался его гранитных колонн, бродил между величественных стен…

– Так то когда было… – не скрывая насмешки, утешал его Георгий, от души наслаждавшийся посрамлением всезнайки. – Может, он еще не построен?

– А откуда тогда казаки? Это же анахронизм! Понимаете? А-на-хро-низм!.. Жанна, хоть вы меня поддержите!

– Да ладно вам, месье алхимик, – отмахивалась девушка, самозабвенно торговавшаяся с уличным торговцем из-за какой-то приглянувшейся ей безделушки. – Есть этот ваш Тарнак, нет Тарнака – какая нам разница? Вы лучше поглядите, что за прелесть эти бусики! Они так подойдут к моей новенькой лиловой тунике!..

– Во-первых, я в тысячный раз говорю вам, дорогая моя, что я не алхимик!.. – по обыкновению закипал Горенштейн, напоминавший в своей мешковатой длиннополой одежде пациента, сбежавшего из известного рода лечебного учреждения. – А во-вторых…

А Арталетов от души хохотал…

Жаль только, что с Долиной Царей путникам помочь тоже никто не мог. Или не хотел. Разводили руками, переводили разговор на другую тему, просто посылали спрашива-

ющих куда подальше. Георгий со товарищи ощущали себя провинциалами на московских улицах, безуспешно пытающимся добраться до ВДНХ без карты и путеводителя.

Оставалось только искать самим. Благо времени они имели предостаточно.

– Судя по информации о раскопанной гробнице, помещение было довольно обширным, – успокаивал соратников ученый. – Хорошо проветривалось, чтобы исключить порчу мумии от плесени и прочих факторов, а припасов туда в момент «похорон» положили столько, что наш друг мог жить, ни в чем не нуждаясь, не менее полугода. Или около того,

– А мы-то в каком пункте этого «полугода» находимся?

– Никак не далее двух-трех недель от «похорон», не волнуйтесь. Самое большее – месяц.

– Почему же вы так уверены? Летели на четыре тысячи лет в прошлое, а тут казаки, русский язык… Может, вы промахнулись? Лет эдак на тысчонку? Да не на одну…

– Исключено! – надулся Дмитрий Михайлович. – Я не в точку на временной шкале целил, а в прибор возвращения Сергея Витальевича. Тот самый, что вы окрестили «хрономобилем». Совершенно зря, между прочим – у меня, к примеру, никаких ассоциаций даже не возникает…

– Так он же не действует! Вы сами говорили…

– Я знаю, что говорил. Да, прибор больше не функционирует, и, следовательно, я не могу вытащить его владельца из прошлого в наше с вами настоящее. Но точно засечь его ме-

стоположение во времени – без проблем. Честно говоря, для этого даже не нужен прибор – годится любой предмет, которого касался господин Дорофеев.

– Так просто?

– Ну, я бы не назвал эту процедуру простой… Вообще-то методика довольно сложна… Но я уверен, что ошибки нет.

– Ну ладно, – согласился с Горенштейном Георгий, сообразив, что вторгается в сферы, его дилетантскому пониманию недоступные. – А откуда вы взяли, что Серега… Сергей Витальевич вообще мог чем-то питаться? Насколько я помню из истории, покойников в Древнем Египте хоронили, надежно упрятав в несколько саркофагов, да еще спеленав для верности по рукам и ногам.

– Вот тут вы правы, – смутился ученый, ковыряя ногтем облупившуюся глинобитную стену. – Это меня тоже, признаться, озадачило… Но положение скелета, вернее, мумифицированного трупа, беспорядок в погребальной утвари, откинутая и расколотая крышка саркофага, наконец, явные следы попыток выбраться на волю… Нет, похороненный заживо прожил в гробнице довольно долго, и в этом сомнения нет. И, будучи знакомым с Сергеем Витальевичем достаточно много времени, я этим не слишком удивлен. Господин Дорофеев – личность неординарная. Весьма выдающаяся во многих отношениях.

– С этим я совершенно согласен, – абсолютно серьезно ответил Арталетов. – Такой человек, как Серега, вполне

мог выбраться и из саркофага. И наружу пробивался, сколько мог… Только не повлияло ли одиночное заключение на это… – Он выразительно покрутил пальцем у виска. – Я слышал, что подобные случаи не редкость…

– Будем надеяться, что нет. – Ученый взял его за рукав. – В чем-чем, а в душевном здоровье Сергея Витальевича я уверен. Сходить с ума от безысходности – это, согласитесь, прерогатива таких натур, как мы с вами, Георгий Владимирович… Интеллигентных людей, я хотел сказать…

– Жорж, погляди на эту брошечку! – перебила собеседников Жанна.

«Да уж, интеллигентных… – подумал Георгий, разглядывая довольно аляповатую безделушку. – Не чересчур ли интеллигентных?..»

* * *

– И что бы это значило?

Путешественники стояли на дне долины, больше напоминающей гигантскую воронку от разрыва авиабомбы или чего-нибудь не менее разрушительного. Даже слабый ветерок не тревожил неподвижную атмосферу весьма оригинального кладбища. Ослепительно сияли под ярко-синим небом крутые стены, состоявшие из россыпей снежно-белых каменных глыб, раскаленные почти отвесными солнечными лучами настолько, что четверо людей ощущали себя в середине огром-

ной печи.

Да-да, вы не ошиблись, и это не опечатка: в центре Долины Царей находились именно четыре человека. Трое наших старых знакомых, и четвертый – мужчина невысокого росточка, почти что карлик, настолько субтильного телосложения, что скрыть сего факта не могла даже просторная рубаха до земли. Именно он привел нашу троицу в это гиблое во всех отношениях место, где за долгие годы так и не смогло угнездиться ничего живого, включая выносливую пустынную колючку. Даже скорпионы и те обходили его стороной, предпочитая более комфортные места.

Мужичок по имени Нестах оказался единственным, кто пусть и не сразу и очень неохотно поведал отчаявшимся в своих поисках спасателям историю последнего по времени «погребения». Он также намекнул на причину, из-за которой на целый город – да что там город – на целый ном был наложен строжайший и бессрочный обет молчания. Омерта[8] своего рода, хотя предки дона Корлеоне еще мирно пасли коз на Сицилии и даже не помышляли о своей знаменитой «Коза Ностра».

Нестаха этот обет не касался.

Во-первых, он был вор, любые законы, кроме воровских, считал фикцией, и, следовательно, до всяких там заморочек

---

[8] Омерта (итал. «omerta» – мужественность, честь) – кодекс чести у сицилийской мафии. В частности, включает в себя закон молчания и закон круговой поруки

властей ему было «до светильника». А во-вторых, его воровская профессия касалась «запретной темы» непосредственно. Он грабил лишь узкоспециализированные помещения: никаких там жилых домов или лавок – исключительно могилы, причем не из бедных.

Скажите: «дохлое дело»? Не надо. Жители Египта норовили унести с собой на Тот Свет все свое добро без остатка, разумно полагая, что живые сами о себе позаботятся, а вот умершему сие будет трудновато.

Была и третья причина: загробный «Робин Гуд» всем сердцем сочувствовал заживо запрятанному под толщей известняка незнакомцу, поскольку тот умудрился насолить власть имущим настолько, что те не посчитались с затратами, лишь бы отплатить обидчику достойной монетой.

– Правильный был человек, – рассуждал давно переваливший за сорок лет уголовник, выглядевший изрядно потасканным подростком. – Вот меня если возьмут где-нибудь на цугундер, то валандаться не станут. – Длинный «артистический» палец с любовно отрощенным ногтем чиркнул поперек острого кадыка. – Не того я полета пташка, да и помета не того… Я ведь просто вор. А тот был бо-о-ольшой человек… Про таких легенды складывают да песни поют. И пророчества бывают, не без этого. Я вот слыхал одно такое… Родится, бают, однажды человек… Обычный человек, вроде меня, не богатырь и не красавец, который целую страну огромную, не чета нашей Кеметке, этим самым поставит…

Прости, барышня. «Грабь, – скажет, – награбленное!» И все тут…

Георгий и Дмитрий Михайлович при этих словах идейного уголовника понимающе переглянулись. Ох как знаком был бессмертный лозунг жителям «одной шестой», ох как памятен…

– И повелит он из золота того, награбленного у простого люда, чаши для нужников отливать… – вдохновенно вещал урка, заведя очи горе, словно видел там некую подсказку, шпаргалку высших сил. – Хотя зачем чаши какие-то в нужниках, никому не ведомо, да еще золотые… А когда помрет он, положат его верные товарищи в красную каменную гробницу и напишут на ней его имя, и будет он там лежать, словно живой…

– А про то, что второго туда положат, – не говорили? – не выдержал Арталетов. – Не навсегда, а на время?

– Так ты, мил человек, тоже слыхал про это? – обрадовался Нестах. – И про такое бают. Да только второй не взаправдашним вором будет, поэтому вытащат его из гробницы воры правильные и зароют, будто собаку. Ну там без саркофага, без бальзамирования… Бр-р-р… У нас так даже кошек не хоронят… А больше никого туда не положат, потому как тот вор, который мудрость вечную скажет, будет самым правильным во веки веков. Вором в законе…

Во, глядите, – уголовник оттянул большим пальцем ворот рубахи, обнажая тощую грудь, на которой явственно про-

ступил синий, до боли знакомый профиль, некогда украшавший денежные знаки одной исчезнувшей с карты мира страны. – Это я сам наколол потрет того великого, как представляю его.

Спасатели снова переглянулись и разом покачали головами: сходство было изумительным…

– А если жив еще этот, которого тут закопали? – осторожно спросила Жанна, которую всякие дежа вю[9], смущающие товарищей, не посещали. – Ему ведь помочь – святое дело, а?

– Еще бы не святое, барышня, – вздохнул вор, прикрывая татуировку. – Да ведь как тут поможешь?..

Он подвел всю троицу к особенно мощной осыпи, некоторые глыбы в которой превышали человеческий рост в поперечнике, и похлопал по раскаленной от солнца белой поверхности одной из них.

– Вот она, могилка-то…

Спасатели, запрокинув голову, оглядели громадную груду известняка и дружно присвистнули. Они, конечно, ожидали от склонных к гигантомании египтян всего, но только не такого…

– Так ведь тут тысячи тонн… – подал голос потрясенный Горенштейн. – Никаким бульдозером не разгребешь…

– Ага, – довольно поддакнул Нестах, ухом не поведя на оговорки ученого. – Две недели этот курган складывали. По-

---

[9] Дежа вю (от *франц.* deja vu) – уже виденный. Ощущение (уверенность), что конкретно данный отрезок своей жизни человек переживает повторно.

тому и охраны нет никакой… Не в человеческих силах такую кучу разворотить! – назидательно поднял он вверх палец. – Вот и я полазил-полазил тут и отступился.

– Неужели ничего нельзя сделать! – взволнованно воскликнула девушка, упершись обеими ладонями в небольшую глыбу, от ее «титанических» усилий даже не покачнувшуюся. – Должен же быть какой-то способ!

– Должен, – равнодушно пожал плечами уголовник. – Но я его не знаю. Иначе и не стоял бы тут с вами. А хотите, я вам еще одно пророчество расскажу? Будет еще один вор, покруче того, первого, и будет он иметь такую отметину: голова его будет сиять, аки солнышко… Прямо как у тебя, барышня…

* * *

Спасательная экспедиция в полном составе, пригорюнившись, сидела над разложенной по столу нехитрой снедью и молчала. Почти неделя прошла с памятной экскурсии за Нил, в Долину, где под неподъемной каменной толщей томился обреченный на неминуемую смерть Дорофеев. Как ни крути, а гробница превращалась в прообраз того мавзолея, о котором проникновенно вещал свято верящий в пророчества Нестах. Оставалось лишь выбить над заваленным входом сакраментальное «Серый» или что-нибудь подобное, поскольку никаких путных способов освобождения узника из

ловушки в головах его спасателей не рождалось.

Мавзолей для «братка»…

Даже ярый враг всякого рода анахронизмов Горенштейн, плюнув на этику ученого, принялся высчитывать на листке бумаги, сколько и каких потребуется взрывчатых веществ, чтобы развороти́ть вход в погребальные катакомбы. Выходило, что не менее небольшого ядерного заряда в тротиловом эквиваленте. Оставалось лишь найти его или ограбить в будущем парочку воинских складов, а потом потратить полгода, чтобы перевезти сюда добытую взрывчатку…

– Ну почему мы не можем вернуться в тот момент, когда Серж еще не был погребен, чтобы вытащить его? – в сотый раз вопрошала Жанна и в сотый раз получала от Дмитрия Михайловича в ответ такую лавину научных терминов, которую не могли вместить даже продвинутые арталетовские мозги, не говоря уже о миленькой головке средневековой девушки, умевшей лишь бегло читать по складам, да, с грехом пополам, считать до тысячи.

А уж такие заумности, как «парадокс затылка близнеца» или «петля обратного времени», похоже, не понимал до конца и сам ученый. Он бормотал какую-то невнятицу про неминуемую в таком случае катастрофу вселенского масштаба, принимался чертить поверх своих расчетов какие-то плавные и ломаные кривые и вообще напоминал в тот момент тихопомешанного.

Георгий лишь уяснил себе, что вся невозможность тако-

го простого выхода связана именно с неисправным «хрономобилем», но каким образом – до него не доходило. Видимо, обычная и математическая логика находились по отношению друг к другу в перпендикулярных, причем нигде не пересекающихся, плоскостях…

И в самый напряженный момент в каморку наших героев вломился пьяный в стельку и донельзя возбужденный Нестах.

Задыхаясь, словно бежал через весь город (а так, видимо, и было, поскольку он как-то намекал, что живет на противоположной окраине, в местной «вороньей слободке»), вор бесцеремонно спихнул с табурета Дмитрия Михайловича и, рухнув за стол, надолго присосался к кувшину слабенького местного пива, за которым троица коротала время. Ополовинив посудину, он обвел всех присутствующих блаженным взглядом, после чего выдал только одно:

– Кошки!..

А выдав, упал под стол и уснул сном праведника, обретшего наконец дорогу в Царствие Небесное…

5

Если друг оказался вдруг
И не друг, и не враг…
В. Высоцкий

Два усталых путника, скованные одной цепью, совсем как герои некогда знаменитого боевика, брели, увязая по щиколотку в остывающем после долгого дня песке. Путь их лежал к совсем не собирающейся приближаться горной гряде, четким черно-лиловым частоколом вырисовывавшейся на фоне малиново-оранжевого заката.

Все усилия освободиться от кожаных ошейников ни к чему не привели. Не в пример дрянным веревкам, ссохшаяся воловья кожа, хотя и не стесняла дыхания, ногтям и зубам не поддавалась, а попытка найти в бескрайних песках что-нибудь острое заранее была обречена на провал.

Много песка утечет, пока далекие потомки Рамоон-Аюррура настолько перестанут ценить вещи, что медленно, но уверенно превратят пустыню в подобие мусорной свалки. А пока с бо2льшим успехом здесь можно было искать золотой самородок или алмаз с куриное яйцо, чем крошечный осколок бутылки из-под кока-колы или ржавый гвоздь…

Все, что товарищи по несчастью думали друг о друге, давно уже было ими высказано, причем не в самой изысканной форме. Теперь они просто брели к скалам в надежде отыс-

кать острый камушек и расстаться навсегда.

Порой Сергей ловил себя на мысли, что мечтает о кремне с бритвенным краем больше, чем о пропавшем бесследно «хрономобиле». Видимо, в душе он уже смирился с тем, что в несуразно затянувшейся «турпоездке» придется провести всю оставшуюся жизнь.

А что такого? Дома его практически никто не ждет. Разве что некоторые коллеги по бизнесу, но это уже совсем другая тема… Комфорт? При желании, без особенного труда можно неплохо устроиться и здесь. По интеллекту, багажу знаний и деловой хватке он, скорее всего, далеко превосходит среднестатистического египтянина этой эпохи. Да и не только египтянина. Грех не воспользоваться открывающимися возможностями. Конечно, на постройку реактивного лайнера или космического корабля силенок у него не хватит, но на что-нибудь более простое…

Сколько, к примеру, написано фантастических романов о путешественниках в прошлое, становящихся там полубогами только из-за того, что им был известен секрет пороха! Неужели Серега Дорофеев, все детство слывший записным пиротехником, не соорудит из подручных средств пару пригоршней простейшей взрывчатки? Да его «бомбочки» в свое время гремели по всему городу, заставляя нервничать милицию и доводя до предынфарктного состояния родителей добропорядочных подростков. Лишь армия несколько охладила пыл паренька ко всему взрывающемуся и стреляюще-

му. И то – не совсем и не во всем.

А дальше?

Неужели нельзя, пусть даже из бронзы, тупо склепать какую-нибудь трубку и привязать ее к доске? А ведь это уже самопал, читай: «огнестрельное оружие». Увеличь в несколько раз – пушка…

А если еще напрячь фантазию?

Задумавшись, Дорофеев споткнулся в подступающих сумерках обо что-то твердое и полетел вперед, потянув за собой слабо пискнувшего Ромку.

Наполовину утонув в песке и далеко отбрасывая угольно-черную тень, на будущего «покорителя мира» с вечной своей иронией пялился голый человеческий череп…

* * *

Странники двигались вперед всю ночь, стараясь урвать от спасительной прохлады как можно больше, и подошли, вернее, подползли к отрогам горного хребта к полудню. Последние сотни метров Сергей просто тащил за собой совершенно потерявшего интерес ко всему на свете «напарника», останавливаясь лишь для того, чтобы убедиться, что не придушил того петлей ошейника до смерти. Счастье, что тощий, невысокий и высушенный солнцем рыбачок весил не больше подростка и особенной обузы не представлял.

Первым, что бросилось в глаза измученному Дорофееву у

подножия, были пыльно-зеленые кустики какой-то пустынной растительности, обильно прораставшие из-под камней там, куда падало больше всего тени. Плюнув на освобождение, он подтянул свою ношу к одной из таких «клумб» и принялся срывать жесткие, словно сделанные из ватмана, листочки с колючих стеблей, жадно, горстями, засовывать их в рот и разжевывать, скрипя песком и давясь горькой слюной.

Сока в растениях-экстремалах было немного, но это все-таки была вода, а, следовательно, жизнь! Мысль о возможной ядовитости местной разновидности саксаула как-то не приходила в голову…

– Ничего!.. – бормотал Сергей, чуть ли не насильно запихивая живительные листочки в рот слабо сопротивлявшемуся Рамоону, который наверняка уже чувствовал себя где-то на полпути в местный загробный мир. – Отлежимся тут в тенечке, травки этой пожуем, силы восстановим и – в путь. Там, на западе? – Нил, люди, жизнь… Делов-то – горы перевалить! Это же не Кавказ, не Гималаи… Я эти места хорошо знаю…

Дорофеев не врал.

Он и в самом деле много раз пересекал эти горы, но, конечно, не пешком, а на туристическом автобусе или джипе, с опытным водителем за рулем, лишь лениво разглядывая проплывающие за окном угрюмые базальтовые скалы.

На деле восхождение оказалось делом непростым. Особенно если учесть, что на спине вместо рюкзака болтался

по-прежнему мало пригодный к альпинизму товарищ. Не будь его, Сергей прихватил бы с собой побольше «травки», оказавшейся не только хорошо утоляющей жажду, но и питательной, а так же весьма поднимающей тонус. Вряд ли это был местный аналог колумбийской коки, но нечто вроде женьшеня – наверняка.

– Драмба, – с улыбкой ткнул тонким пальцем в кустик Ромка, когда обрел маломальскую способность осознавать действительность. – Есть. Прясать. Спать.

Товарищ не понял, и абориген повторил то же самое с помощью пантомимы, разве что сплясать ему, болезному, не удалось – он смог лишь вяло повозить в пыли ногами.

Зато Сергей понял, что за варево хлебали тогда в Хургаде местные, предпочитая водке, и решил особенно не налегать на пусть и слабый, но все-таки наркотик.

* * *

– Брось меня, Серр-Гей, – жалобно стонал Рамоон, когда Дорофеев с нелегкой ношей за плечами переваливал непонятно какой по счету пологий гребень – а конца им не было и не было. – Брось, я хочу умереть…

– Русские своих не бросают, – твердил Сергей, отдуваясь и размышляя при этом, с какого боку оный тощий предатель приходится ему «своим». – И вообще, чтобы про геев я больше от тебя не слышал! Не можешь выговорить – зови просто

«Серым». Понял?

– Поняр, Серр-рий…

– Тьфу на тебя, чмо нерусское…

Все бы было ничего, но при каждом толчке «груз» больно давил на поясницу чем-то твердым, словно в кармане у него лежал крупный голыш.

«У него и карманов-то нет… – морщась, думал Дорофеев, стоически терпя боль в намятом на хребте синяке. – Что ж это такое?.. Драмбы своей обожрался никак? Ну, ничего, доползем до привала – разберусь…»

– Брось меня… – снова заныл рыбачок, и руки у путешественника во времени сами собой разжались.

– Ну что, доволен? Бросил. Что теперь? – навис Сергей над корчащимся на щебнистой осыпи товарищем. – Сдохнуть тут решил? Отмазаться? Не выйдет – галопом у меня побежишь! А ну – встать!..

Он едва удержал ногу, чтобы не врезать лежащему египтянину в бок. Хотя босая нога – не подкованный сапог, но все-таки… Сломанное ребро или отбитая почка жизнерадостности спутнику не добавят.

– Ладно, не скули, – буркнул он примирительно, приподнимая Ромку, чтобы снова взвалить на закорки. – Не брошу я тебя. Только вот пристрою поудобнее… Чем ты там колешься?

Откуда только силы взялись у только что лежавшего без сил паренька. Он защищал свои истрепанные лохмотья, из-

под которых во множестве прорех виднелось изможденное грязное тело, так, словно это был драгоценный лионский бархат, расшитый золотом. Скулил, царапался словно кошка, даже кусался.

– Ты чего это! Чего! – пытался успокоить его Сергей. – Ты чего, Ромка? Царапаешься, вон, как девчонка… Я ж не съем тебя, дурак!

Ветхая ткань внезапно треснула сверху донизу, и Рамоон мгновенно прекратил сопротивление. Лишь из-под полуприкрытых век с длинными ресницами по щекам, оставляя в слое пыли извилистые чистые дорожки, ручьем бежали слезы.

Вокруг тонкой талии у лежащей фигуры была обмотана цепочка, а с нее свисал донельзя знакомый предмет…

Но потрясенный Дорофеев глядел вовсе не на него, а на порывисто вздымающуюся грудь с крупными сосками, тощую, почти мальчишескую… Почти.

– Ромка-а!.. – ошарашенно протянул мужчина, выпуская «противника» из рук, чем тот тут же не преминул воспользоваться и мгновенно свернулся калачиком. – Где же были мои глаза?.. Ты же…

До самого заката он просидел рядом с изредка всхлипывающей девушкой, гладя ее по узкой спине с острыми, выступающими рыбьим плавничком, позвонками…

* * *

«Ну и ладно. Ну что с того, что хрономобиль спер… ла, – успокаивал сам себя Сергей, сидя у скалы рядом с крепко спящей Ромкой, продолжавшей иногда всхлипывать во сне. – Все равно бы фараоны эти чертовы отобрали… Зато теперь – вот он, целенький».

Рука сама собой тянулась проделать необходимые манипуляции и оказаться дома, в покое и безопасности, но каждый раз опускалась, не дойдя миллиметра до прибора.

«К чему она там тебе, эта дикарка? Когда ты на арабок разных западал? А она даже не арабка! И взглянуть-то не на что – пигалица пигалицей. Ни кожи, ни рожи, ни этого самого… Ладно – притащишь ты ее с собой, а там что? Да она, если и не спятит сразу, то все равно не приживется…»

Палец нерешительно погладил головку «часов», которую всего-то требовалось повернуть два раза и нажать. Но именно на эти легкие движения сил и не хватало.

«Да у нас любая азиатка, с гор спустившаяся, на рынке торгующая, в сто раз чище и умнее этой будет! – продолжал убеждать Нечистый, примостившись где-то за плечом так, что Дорофеев чувствовал щекой его отдающее серой дыхание. – Брось ее! Брось – и дело с концом! И что с того, что она через день тут сдохнет? Она и так тысячу лет назад померла. Теперь и костей ее нет, а ты с ней – как с человеком.

Она – фантом, нежить, привидение…»

Исчез искуситель, как всегда с первыми лучами солнца, позолотившими скалы, превратившими их в застывшие языки пламени…

* * *

Рамоон проснулась, как никогда, счастливой, потянулась, выпрастывая из лохмотьев тонкие руки. Ей захотелось вскочить, засмеяться, пройтись колесом…

Впервые в жизни она ощущала себя такой полной жизни, что-то кипело в душе, плескалось, рвалось на волю. Вообще тот день, когда она, рано осиротевшая дочь рыбака, заплыла далеко-далеко от родной деревни и увидела в волнах слабо сопротивляющегося течению человека, необычно белого и огромного, не забудется на всю жизнь.

Как она хотела очаровать его, как мечтала остаться с ним один на один, чтобы открыться… Но проклятые родичи…

А когда отвергнутый жених Хасраф навел на новую деревню с таким поэтическим названием Хургада фараонов? Кто подсказал стащить из необычного жилища Белого Пришельца то, что он ценил больше всего на свете, и спрятать?

А когда грозный Акер, разметав караван, пощадил Серрия и ее, недостойную, в придачу? Не знак ли это всевидящих богов?

Девушка привстала на локте и встревоженно завертела го-

ловой, не находя на узкой площадке между скалами своего спутника.

Ушел! Конечно, ушел! Зачем ему, такому могучему и красивому, простая замарашка? Наверное, там, откуда он пришел, не счесть красавиц, готовых отдать все на свете и себя саму этому земному воплощению самого Амона… А если так, то зачем ей тащиться куда-то, продлевая свои жалкие дни?..

Рамоон порывисто вскочила на ноги и кинулась туда, где вчера видела крутой откос, обрывающийся в бездну…

– Ты куда, Ромка? До ветру? Смотри не сорвись, – раздался знакомый голос, и девушка пристыженно запахнула чересчур разлетевшиеся в стороны клочья своего рубища.

Серр-Гей задумчиво сидел на самом краю обрыва, свесив в бездну ноги и покачивая на ладони свой вновь обретенный талисман.

– Иди сюда, присаживайся рядом… Только камень холодный, смотри не застудись. – Мощная рука нежно легла на узенькие плечи, осторожно привлекла нервно задрожавшее тело. – Ничего не бойся, глупая. Это быстро случится…

«Он что, хочет вместе со мной спрыгнуть туда? – Ужас сковал Рамоон ледяным удушливым коконом: она уже забыла, что сама только что хотела броситься в пропасть. Юному, не познавшему ласки телу отчаянно не хотелось разбиваться об острые камни внизу. – Не хочу! Не буду!..»

А Сергей тем временем, плавно повернув головку «часов»

два раза, неторопливо вжал ее в корпус…

6

Женщина и кошка – главные в доме, мужчина и собака – на улице.
Древнерусская пословица

– Да когда он проснется, этот забулдыга? – вскинулась Жанна, делая порывистое движение выскочить во двор. – Сейчас ведро воды ему вылью на голову – и вся недолга! Мамаша моя, бывало, таким вот образом папеньку в человеческий вид приводила…

– Погодите, погодите, дорогая, – в десятый раз усадил ее на место Горенштейн, всем резким движениям предпочитавший эволюционные методы. – Уголовники, знаете ли, люди сами по себе непростые… К ним подход нужен.

– Да вам-то откуда это известно? – открыл глаза дремавший сидя Арталетов. – В институте вашем закрытом встречали, что ли?

– Ну… Из литературы и вообще… – смутился Дмитрий Михайлович, как-то незаметно растерявший ореол всезнайства. – Прожитая жизнь…

Солнце уже давно перевалило за полдень, а проклятый Нестах все храпел, мучительно запрокинув голову, то раскатисто урча, словно работающий на холостых оборотах трактор «Беларусь», то взревывая берущим высоту танком «Т-72», то лирически посвистывая.

Кроме шумовой агрессии, бесчувственное тело распространяло вокруг облако сивушной вони, густо настоянной на чесноке и не первой свежести селедке. Хламида его воздуха тоже не озонировала, да и босые ноги, покрытые грязью чуть ли не до колена – тоже. Находиться в одном, не самом просторном и плохо проветриваемом помещении с подобным некомфортным объектом было весьма проблематично.

Но терпеть соседство приходилось. Тем более что единственное слово, произнесенное им, постоянно будоражило воображение членов экспедиции.

Горенштейн убежденно доказывал, что уголовник имел в виду обычных кошек, которых египтяне, как известно, обожествляли, и, следовательно, ворвавшись в помещение, он просто хотел побожиться. Так христианин, которого постигло бы озарение, закричал: «Господи!»

К сожалению, ученый не мог припомнить, божеством чего именно была для египтян Бастет, обычно изображаемая в виде кошки или женщины с кошачьей головой. Но не исключал, что покровительствовала она всяким ночным занятиям вроде воровства или, к примеру, проституции…

При последних словах Дмитрий Михайлович густо покраснел и спрятал глаза, косясь на Жанну, которая как раз на это и не обращала никакого внимания, рьяно отстаивая свое мнение.

– Это же ясно, как день! – возбужденно стучала она по столу кулачком, рискуя разбудить спящего вора (а может

быть, наоборот, этого добиваясь). – «Кошки» – это название какой-то местной банды, специализирующейся на проникновении в малодоступные помещения. Нестах узнал или вспомнил об их существовании и прибежал сообщить нам. А по дороге нажрался на радостях, гад! – Изящная ножка, высунувшись из-под подола туники пнула пьяницу в бок, но не настолько сильно, чтобы прервать его сладкий сон.

Арталетов – технарь до мозга костей, в свою очередь, горой стоял за то, что «кошки» – технические приспособления вроде альпинистских крючьев, и грабитель могил придумал, как их применить в данном конкретном случае.

Все трое настолько горячо отстаивали свои позиции, что шум за столом нарастал по экспоненте и разбудил бы даже мертвого. А уж спящего, пусть и под изрядным «наркозом» – непременно.

– Чего орете, как скаженные? – прозвучал с лежанки мученический голос, разом оборвавший прения, словно финальный взмах дирижерской палочки – исполняемую оркестром кантату. – Приперлись ни свет ни заря и орут тут, поспать не дают… Выметывайтесь отсюда на…

Последовавший пассаж, точно описывающий то место, куда следовало убираться хозяевам каморки, заставил зардеться даже Жанну.

– Какого черта! – вспылил Георгий, не привыкший, чтобы в его присутствии, да еще при дамах, пусть и в единственном числе, выражались подобным образом. – Мы у себя дома!

– Да-а-а? – изумился Нестах, с трудом открывая мутные глаза, но даже не делая попытки оторвать голову от тощей подушки. – И в самом деле… А как я сюда попал?..

– Надо меньше пить! – изрекла обиженная Жанна избитую, но вечную сентенцию, которой, вероятно, еще в каменном веке подруга встречала пробуждение какого-нибудь неандертальца, накануне в тесном кругу душевно «спрыснувшего» поимку очередного мамонта.

– Ничего не помню… – жалобно простонал уголовник, до арбузного треска сжимая ладонями раскалывающуюся голову. – Мы вчера с друзьями ходили в баню… Мы всегда тридцать первого ходим в баню… Какая еще баня? – перебил он сам себя. – Приснилось, что ли?

– Приснилось, приснилось! – синхронно закивали Горенштейн с Арталетовым и даже ничего не понявшая девушка.

– Всю ночь кошмары мучили, – пожаловался Нестах, прикрывая глаза. – Сто раз зарекался не ходить к Сарупту в кабачок… Знаю ведь, что он свое пойло драмбой бодяжит и на скорпионах настаивает… Какой еще Ленинград?..

– Не в скорпионах дело, а в их количестве.

– Во-во… И я про то же… Ну, положил бы одного-двух, для крепости, а то сыпет не глядя… А вы бы лучше, чем издеваться над больным человеком, за пивком сгоняли, что ли… «Старый зернотер» отлично с похмелья помогает… Или «Нил», особенно «семерочка»…

– Щас! Только шнурки постираю! – ощерилась Жанна, на-

сильно всовывая в дрожащие руки пьяницы недопитый вчера жбан с давно выдохшимся и степлившимся пивом, допивать которое все равно никто не собирался. – И этого с тебя хватит, алкаш!..

– Благодетельница!.. – истово выдохнул вор, надолго припадая к живительной влаге.

– И чего вы тут на меня выставились? – пятью минутами позже поинтересовался он, с сожалением оторвавшись от досуха выхлебанного сосуда, выплюнув заблудшую муху и снова обретя утерянную было наглость. – Дыру ведь протрете зенками.

– Ты чего вчера про кошек нес? – мрачно спросил Арталетов.

– Про каких еще кошек? – выпучил снова обретшие глубину и цвет глазки Нестах. – Да я терпеть не могу это племя! Ползешь, бывало, по подземному ходу, а она, стерва, – шасть из темноты, да в морду когтями!.. Давил бы этих тварей!..

Если бы сейчас к нашим друзьям «на огонек» заглянул Николай Васильевич Гоголь, то увиденное им несомненно послужило бы поводом к написанию второй, после «ревизоровской», «немой сцены»…

* * *

– Как хотите, но я туда не пойду, – наотрез отказался Нестах, доведя новых подельников (он не скрывал своей на-

дежды пошуровать в роскошном погребении после освобождения «правильного вора») до самого храма Бастет, по какому-то совпадению расположенному за Нилом, гораздо ближе к Долине, чем к городу. – Мало я от этих тварей в могилах натерпелся, что ли? Сами идите. Только сомневаюсь, что получится у вас, потому как худших стервоз белый свет вообще не видывал. Бабы, одним словом. К тому же не… Прощения просим, барышня!

Память вернулась к могильному вору лишь на следующий день, причем он явно не прикидывался, утверждая, что ничегошеньки не помнит из своей рекордно лаконичной речи накануне.

Почесав в затылке, Дмитрий Михайлович высказал предположение, что причиной такой «временной амнезии» послужил явный алкоголизм уголовника, помноженный на дурную наследственность, а Жанна, как всегда, безапелляционно заявила: «Допился до белки, мазурик!»

Арталетов не стал спорить с любимой, в прошлом имевшей богатый опыт общения с подобного калибра персонажами, но и не осудил открыто безобидного, в общем, жулика. Попробуй-ка с его полазить туда, где совсем недавно обрели последний покой, тем более в эти далекие от просвещенного материализма времена. Легко археологам, хотя их тоже иногда называют гробокопателями…

Обретя привычное расположение духа, снова ставший язвительным и циничным Нестах быстро развеял все домыслы

товарищей. Горенштейну, например, он заявил, что ни к каким «ночным» профессиям, тем более «древнейшим», кошки отношения не имеют[10], а Жанну высмеял за придуманную ею банду.

Только с теорией Георгия в том, что проволочные крюки, используемые для лазанья по стенам, тоже именуются «кошками» и весьма ценятся воровской братией, он частично согласился. Однако и тут не все было в порядке, поскольку для ограбления могил их применить чрезвычайно сложно, если вообще возможно в принципе. Словом, все догадки «многомудрых» спасателей он посчитал явным бредом.

А ларчик, как водится, открывался просто.

Для египтян, одержимых идеей загробной жизни и большую часть жизни настоящей проводивших к подготовке к оной, в этом маниакально ожидаемом вечном времяпровождении существовал страшный враг. И врагом этим были вовсе не какие-то инфернальные существа, населяющие Мир Мертвых, хотя и таковых в египетском пантеоне имелось немало, а тварь из плоти и крови.

Кто?

Да обычные вездесущие и практически всеядные грызуны – мыши и крысы. Для них подземные лабиринты, любовно выстроенные и тщательно защищенные от посягательств двуногих супостатов хитрыми ловушками, а от бестелес-

[10] Богиня Бастет считалась в Древнем Египте покровительницей плодородия и материнства, а также богиней радости и веселья.

ных – амулетами и всякого рода оберегами, являлись привычной средой обитания. Мало того, что ненасытные паразиты начисто сжирали все припасы, обрекая бедных покойников на полуголодное существование на Том Свете, – они не брезговали и самими усопшими, вернее, их мумиями. А что бы вы хотели? Попробуйте-ка убедить мелкую безмозглую тварь в кардинальном различии между копченым окороком и высушенной конечностью бывшего «венца творения»!

Некоторую уверенность в своей маломальской посмертной целостности давала пропитка тел всякими сильнодействующими средствами – от обладающих мощным и долговечным ароматом благовоний до смертельных ядов, но немногих «потенциальных мумий» эти ухищрения устраивали. Бывали, конечно, и такие, кто соглашался быть похороненным чуть ли не в спирту или гудроне, но большинство категорически не желали благоухать перед загробными повелителями всякой отравой.

Поэтому так уважали в этой стране, коллективно «повернутой» на столь материальной вечной жизни, четвероногих союзников в борьбе с длиннохвостым племенем. Почти у каждого египтянина дома жила кошка – ее любили, за ней ухаживали, как за самым дорогим существом. Она была настоящим членом семьи. Если в доме случался пожар, кошку выносили из огня даже раньше, чем детей: наследников можно было нарожать новых, а если Бастет отвернется от дома хозяевам придется туго.

Когда же «хранительница» все-таки умирала, вся семья надевала траурные одежды, пела погребальные песни и, в знак горя, поголовно выщипывала себе брови. Домашних любимиц и хоронили словно людей, в маленьких саркофагах, снабдив всем, что может понадобиться в Ином Мире, включая мумии мышей и любимые при жизни игрушки…

Лишь такие отморозки, как Нестах, чурались мохнатых покровителей, и именно за это, а не за прочие прегрешения не любили их честные египтяне, от души желая им после смерти знакомства с крысиным воинством.

Но особенно не любил «могильный Робин Гуд» не частных, так сказать, кошек, а более высокопоставленных – государственных, жриц богини Бастет, обитающих в посвященных ей храмах. Те не опускались до ловли мышей в немудреных могилках простонародья и склепах «среднего класса»… Не за тем их тщательно отбирали в многочисленных пищащих выводках Бубастиса – кошачьей столицы Та-Кемет, – а затем холили и лелеяли, готовя истинных придворных дам снаружи и беспощадных неотвратимых убийц внутри.

Они носили золотые ошейники, их умащивали благовониями и расчесывали черепаховыми гребнями рабыни… Их личные рабыни.

Увы, как и все на свете, такое привилегированное существование имело свои оборотные стороны. И главным «негативом» был запрет размножаться.

– Котов у них нет, понимаете? Только в Бубастисе и жи-

вут, а в других местах – ни-ни! Разве что в деревне где-нибудь слепыша какого новорожденного пожалеют… Если бы коты подземелья охраняли, я бы уж нашел подход к усатым – мужик с мужиком всяко договорится, а так… Все, пришли – дальше сами.

Нестах проворно развернулся и скрылся в кустах, обильно растущих в пойме реки.

Друзья, нервно оглядываясь на все еще колышущиеся ветви, перешли мостик над неглубоким, но довольно неприятным на вид рвом, в котором постоянно копошилось что-то неразличимое в темноте, и в нерешительности остановились перед воротами, отливающими металлом в лунном свете.

Время приближалось к полуночи. В Ниле что-то отчетливо плескалось, и хотелось верить, что всего-навсего рыба, просто очень крупная, а вовсе не крокодилы. Над прибрежными зарослями раздавался скрипучий крик какой-то ночной птицы.

– Чего ждем-то? – взялся за холодное бронзовое кольцо, вделанное в ворота, Георгий. – Пообщаемся со жрицами – и домой. А то проторчим тут до утра несолоно хлебавши…

– Может быть, спят все давно, – пробормотал Горенштейн, демонстративно пряча руки в карманы и всем видом показывая, что он тут лишь по долгу дружбы и ни в какие противозаконные мероприятия ввязываться не намерен.

Одна лишь Жанна молча куталась в плащик, накинутый поверх туники: с реки несло сыростью, чреватой ревматиз-

мом и женскими хворями.

Арталетов открыл рот, чтобы еще что-нибудь сказать, но так и не нашел подходящих слов, пожал плечами и три раза негромко звякнул металлом о металл, в душе надеясь, что «звонок» не услышат.

Сначала так и казалось, поскольку внутри не проявляли никаких признаков жизни. Подождав немного, Георгий снова пожал плечами, а Дмитрий Михайлович уже обрадованно повернулся, собираясь в обратный путь, но тут раздался негромкий, мелодичный голос:

– По какому поводу вы решили потревожить наш покой в столь поздний час?

Ворота даже не дрогнули, но от массивной прямоугольной колонны, поддерживающей арку, отделилась одна из теней. А может быть, соскользнула сверху?..

В неярких лучах ночного светила трудно было что-либо разглядеть, но все трое могли поклясться, что тень не принадлежала человеку. Даже для годовалого ребенка она была слишком мала. Лишь сверкнувшие в темноте зеленые фонарики глаз выдали говорившую…

* * *

Георгию в прошлом своем путешествии довелось повидать не просто говорящих, но и вполне разумных животных, причем не только кошачьего племени. А Жанне они вообще

были не в новинку, но вот Дмитрий Михайлович…

– Послушайте… – Ученый, сам не замечая того, вцепился в руку Арталетова такой мертвой хваткой, что простым синяком тот и не чаял отделаться. – Этого же не может быть!.. Вероятно, какой-то фокус или оптический обман…

– Как видите, никакого обмана, – холодно парировала кошка, садясь на задние лапы и вежливо склоняя ушастую голову: на ее шее при этом сверкнуло широкое ожерелье. – Так что вас привело к нам?

У нее был негромкий, хорошо поставленный голос, хотя и с несколько глуховатым тембром, заставляющий вспомнить одну из известных киноактрис. Никакого сравнения с прежними знакомствами, далекими от приятности.

– Извините… – начал, откашлявшись, Георгий, невольно отвешивая хвостатой даме учтивый поклон в духе французского двора. – Мне бы хотелось…

– Стойте, – властно оборвала его жрица. – Как всегда, говорит мужчина, а женщина молчит… Вечный мужской шовинизм… Но я бы хотела побеседовать именно с женщиной, как с наиболее разумным из вас четверых, включая того, кто сейчас прячется в кустах, человеком. Вы не возражаете, сударыня?

Вопрос был обращен к Жанне, и та, чуть помедлив, изящно присела в реверансе.

– Охотно, мадам…

– Между прочим, мадемуазель, – кокетливо сверкнула

глазами кошка, грациозно поднимаясь на ноги и потягиваясь всем своим гибким телом. – Следуйте за мной, дорогая…

На этот раз металлические ворота беззвучно отворились, пропуская в храм обеих, и медленно закрылись за ними…

7

Этот недотепа пороха не изобретет…
Отец Роберта Оппенгеймера[11]

Если вы, читатель, когда-нибудь служили в армии, то вам должно быть известно, как трудно спичкой вырыть, допустим, окоп или «могилу» два на два метра для случайно найденного старшиной на плацу «бычка». Нечто подобное выпало на долю Дорофеева, только вместо спички у него в руках был зажат медный, наполовину стертый от долгого употребления скребок, а мягкий грунт заменял известняковый пласт. Тоже не гранит, но все-таки горная порода. И предстояло вырезать из оного прямоугольный каменный блок несколько больших размеров, чем могила для окурка.

Спросите, какой черт занес его на эти… каменоломни?

А какую еще работу мог найти слабо знакомый с местной спецификой мужчина в Фивах? Да еще обремененный нежданно свалившейся ему на голову семьей.

Стоп, опять скажете вы, а почему он с этой самой семьей, точнее, с девушкой не нежится сейчас в джакузи или не плещется в бассейне своего роскошного дома? На худой конец, почему не сидит в удобном кресле перед телевизором? Ведь расстались мы с Сергеем в тот самый момент, когда он нажи-

[11] Роберт Оппенгеймер (1904—1967) – «отец» американской атомной бомбы

мал кнопку возвращения на своем «хрономобиле», так чудесно и романтично обретенном.

Ну, вы даете! Только начали, а вам уже «хэппи-энд» подавай? Не выйдет. Не тот жанр.

Не получилось у нашей сладкой парочки перенестись прямиком в джакузи, не срослось что-то. Может быть, сам Дорофеев напутал в методике, может, конденсатор какой прямоточный полетел в хитрой машинке… А что? У американцев, вон, в «оскаровских» блокбастерах то и дело тросы патентованные лопаются, мега-супер-пупер-компьютеры осечку дают, терминаторы железные нормальными мужиками оказываются… Почему же китайская микросхема, купленная не от хорошей жизни на «Горбушке», не может в самый напряженный момент накрыться?.. Сами понимаете чем. Тем более что… Молчать, гусары! И вообще, чтобы без реплик у меня, а то такой вам сейчас «хэппи-энд» закачу – мало не покажется!

Так же не вышло из Сергея и «покорителя мира». Трудновато было в небольшом городке близ Нила с ингредиентами, необходимыми даже для банального черного пороха, от которого «пять минут вонь, потом – огонь». Вот с этой самой «вонью» и вышла заковыка. А если быть точным – с серой.

Не думаю, что выдам тайну, которой тотчас воспользуются злобные террористы, но вообще-то для пороха, который лет семьсот назад изобрел преподобный Шварц[12], изрядно

[12] Бертольд Шварц – немецкий францисканский монах, родившийся в начале

при этом погорев, необходимы три основных компонента. Древесный уголь, селитра и, конечно, сера.

Угля в Фивах было хоть завались, селитру, хотя и с некоторой долей труда, тоже можно было добыть, поскольку естественных нужд горожане не чурались и регулярно их справляли в отведенных для этого местах, откуда сие стратегическое сырье и добывали впоследствии несколько столетий кряду, но… Третий элемент, краеугольный, замечу, камень всего состава, новоявленному алхимику был недоступен. Ну не применялась в нехитрых ремеслах, практикуемых в Фивах, сера, и все тут! Хоть тресни. Так что пришлось отложить создание стрелкового оружия на неопределенный срок…

Игра на бирже, всякого рода «схемы» с лесом, нефтью и товарами народного потребления в эту эпоху, еще далекую как от экономических учений Адама Смита, так и от теорий Маркса, Энгельса и Егора Гайдара, не котировались совершенно. Равно как риэлторские услуги, маркетинговые исследования и обналичка бюджетных денег «в серую». Последняя, может быть, где-нибудь в столице наверняка имела место, по той причине, что подобные махинации стары, как мир, но в патриархальном городишке до таких сложностей еще не доросли.

Вообще, полусонные Фивы живо напомнили Дорофееву

XIV века во Фрейбурге (по другим данным – в Дортмунде). Много занимался алхимией и, по преданию, около 1330 года заключенный в тюрьму по обвинению в колдовстве, продолжал там свои занятия и случайно изобрел порох.

приснопамятный ильфо-петровский Старгород с многочисленными похоронными бюро в пору его расцвета. Никто, правда, не навязывал встречным-поперечным выставочных глазетовых гробов с кистями, но весь город целенаправленно трудился в данном направлении. Если конкретно – обеспечивал достойную загробную жизнь себе и окружающим. Египет, так сказать, увидит вас в гробу еще при этом поколении, товарищи!

Рамоон, дитя своего времени (Сергей, кстати, по-прежнему продолжал звать ее Ромкой), тут же бодро включилась в созидательный процесс, устроившись прядильщицей-мотальщицей в местную артель по выработке льняных бинтов для обмотки мумий, на которые уже несколько сезонов подряд имелся большой спрос. Увы, для мужчины в этом чисто женском коллективе работы не нашлось.

Точно так же получил он от ворот поворот в цехе по изготовлению кипарисовых саркофагов, в гончарной мастерской, на папирусной фабричке, смолокурне (она же, по совместительству, парфюмерная лаборатория), пивоварне, кузнице и лесопилке. Что уж говорить о творческом объединении золотых дел мастеров, куда подбирали исключительно по блату и к тому же строго учитывали национальный признак?

Оставалось идти либо служкой в местный храм Анубиса[13],

---

[13] Анубис – древнеегипетский бог загробного мира. В ранний период развития египетской религии божество, похожее на шакала и пожирающее умерших, затем – покровитель бальзамирования.

заодно (да ладно «заодно» – в первую очередь!) выполнявший функции городского морга, либо в каменоломню.

Первое претило Дорофееву по банальной причине: он с детства боялся покойников, поэтому и проработал в свое время в морге санитаром всего три дня. А уж присутствовать при процедурах, о которых весело и доходчиво ему поведала Рамоон, как истинная египтянка со всеми премудростями перехода в Вечность знакомая досконально, – боже упаси!

Оставалось одно. И как ни шептала вечерами ему на ухо девушка, что она-де прокормит обоих и пусть он не утруждает себя, – совесть бывший бизнесмен имел.

Работа по выгрызанию (иного слова не подобрать) каменных блоков из горного массива оказалась предельно «творческой». Ну, то есть такой, от которой кони дохнут. Царапая раз за разом бронзовым «стилом» субстанцию, похожую на засохшую шпатлевку, Дорофеев вспоминал свои подростковые упражнения в «подъездно-наскальной» живописи. За небольшим исключением: предполагалось процарапать не несколько прямых линий миллиметра по два глубиной, складывающихся, чаще всего, в некую псевдоматематическую формулу из трех знаков, а глубокую – более метра – борозду, идеально очерчивающую будущий «кирпич» великанских размеров. Так что упорные возвратно-поступательные движения, а главное, результат напоминали еще и другое подростковое увлечение…

Пару дней спустя после «зачисления в штат» Сергей уже

твердо знал, что все домыслы историков относительно рабского труда на египетских каменоломнях – бред сивой кобылы. Особенно если учесть масштабы архитектурно-строительной деятельности. Не в силах подневольного трудяги дать такую выработку в смену, чтобы хватило на все храмы и прочие постройки! Если за спиной у человека лишь надсмотрщик с кнутом, а впереди – миска пшеничного варева да сухая лепешка, то ничего дельного от него не добьешься.

Но совсем другое дело, если человек свободный «пашет на сдельщине», при которой как потопаешь – так и полопаешь.

Дорофеев ожидал увидеть изможденных доходяг с исхлестанными спинами, ползающих, будто мухи, по каменному крошеву – эдакий ГУЛаг египетского разлива в представлении наших доморощенных демократов и либералов, – а увидел…

Увидел слаженный коллектив веселых здоровяков, мужичков-хитрованов, у которых отлично «варит котелок», которые имеют про запас массу всяких примочек, чтобы и выработку повысить не без пользы для своего кармана, и сделать так, чтобы нормы остались на прежнем уровне. А оттрубив смену – пойти теплой компанией в кабачок и спустить там медяк-другой на пиво.

Новичка вначале приняли холодно – уж больно отличался заросший шерстью светлокожий верзила от жилистых аборигенов сплошь шоколадного оттенка. Но трудяга – везде

трудяга. Поняв, что «шерстяной» отлынивать не собирается, старожилы прониклись к нему уважением, кое-что подсказали, кое-что показали, и работа пошла… А уж после традиционной «проставы» Сергей стал на каменоломне своим человеком…

* * *

Сергей шагал по улицам ночных Фив домой, чувствуя, как гудят натруженные за день руки, ноет поясница (полдня пришлось «шкрябать» в узком закутке на третьем участке, где, как назло, в мягкий известняковый пласт оказалась вкраплена железняковая прослойка), саднит ободранный локоть…

Да-а… Совсем не так представлял он себе житье-бытье в прошлом, совсем не так… Кстати, все мечты насчет «полубога» вообще рассеялись в прах: огнестрельное оружие здесь уже знали, и порох тоже не был страшной тайной.

Порох, как и многое другое, принесла с собой волна русского завоевания, докатившаяся и до таких отдаленных мест, так что Дорофеев, прикинув на пальцах, высчитал свое примерное местоположение на временной шкале.

Никаких, естественно, четырех тысяч лет. Приблизительно та же эпоха, куда он запулил Жорку Арталетова, жаждавшего звона клинков и шороха дамских кринолинов. Где-то середина шестнадцатого века от Рождества Христова. Сергей сам видел казаков на улицах, православные церкви, мир-

но сосуществующие с храмами египетских богов, даже указы, писанные старославянским шрифтом на «досках объявлений». А большинство «предприятий» города подчинялись «хоронному приказу» – своеобразному министерству загробных дел…

А все балбес Горенштейн! Ткнуть бы ему сейчас в физиономию ту справочку с радиоуглеродным анализом ракушки, собственноручно выколупнутой Сергеем из окаменевшего кораллового рифа, неведомым землетрясением поднятого на без малого десятиметровую высоту над уровнем моря.

«Плюс-минус столетие, но за четыре тысячи лет я вам ручаюсь!.. Побываете в эпохе фараонов…»

Ага, побывал. Только фараоны оказались местными ментами, а камни сейчас приходится тесать для гробниц великих русских царей.

Понятное дело, смекнули владыки, что если похоронят их в жарком песке, а не в сырой родимой землице, то и лежать будет не в пример комфортнее. Особенно если принять во внимание египетские похоронные традиции, действительно очень древние.

Как по секрету шепнули Сергею работяги (откуда узнали – неведомо!), плиты и блоки сейчас готовились для гробницы царя Ивана, который пока еще здравствовал, но покоиться желал не хуже своих предшественников. Который Иван по счету, неграмотные каменотесы не знали, а что до прозвища царского, то их знание русского языка так далеко

не простиралось.

И про пирамиды какие-то они ничего не слыхивали, а на просьбу Дорофеева хотя бы приблизительно начертить на устилающей пол каменоломни тонкой, словно мука хорошего помола, известковой пыли форму гробницы, рисовали что-то похожее на ленинский мавзолей. Три широких уступа и арка входа.

Более того: по словам товарищей, почти возведенный уже мавзолей совсем недавно рухнул, и теперь приходилось спешным порядком возводить новый. Оттого и трудились в три смены, и новичков на работу брали не чинясь.

Вырубленные блоки грузились на барки и тихим ходом сплавлялись к устью Нила, где в них, как в воздухе, нуждались строители, уже шеей ощущавшие неминуемый гнев наместника и остроту палаческого топора.

– Пришер-л, Серр-ы-и-ый? – выбежала навстречу суженному Рамоон, тщательно выговаривая не слишком-то пока дающиеся звуки чужой речи. – Ужи-ын на стор-ле!

Сергей устало погладил девушку по колючим, прилично уже отросшим волосам и отправился на задний двор мыться. Главным неудобством он считал полное отсутствие в каменоломне душа. За целый день, проведенный в клубах белесой пыли, на коже и в волосах скапливались пригоршни известняка, сначала превращавшегося от пота в серую кашицу, а затем – от солнца – затвердевавшие в однородную массу, по прочности почти ничем не уступавшую первозданно-

му камню. Возможно, даже потверже рыхлого, пронизанного порами и микроскопическими трещинками «монолита».

Шипя от боли, каменотес выдирал из изрядно отросших волос каменные шарики, тоскливо думая о том, что, вероятно, скоро придется побриться наголо, как остальные «коллеги». А, принимая во внимание, что бритвы были тоже бронзовые, в чем довелось убедиться за ежеутренним бритьем, экзекуция предстояла еще та!

Сгустки затвердевшего известняка никак не хотели снова размокать под водой и, отброшенные в сторону, громко щелкали о покрывавшие двор каменные плитки.

«Какой хороший цемент! – прокручивал мысленно Дорофеев фразу из известного кинофильма. – И не отмывается совсем…»

И вдруг замер, не замечая того, что продолжает тянуть за ручку самодельного душа – веревочку, прикрученную к амфоре с нагревшейся за день водой, в свою очередь подвешенной к деревянному столбу. Стопора в этом примитивном устройстве предусмотрено не было, поэтому в какой-то момент опустевший сосуд перевалил критическую отметку, автоматически отстыковался от подвески и звонко клацнул о твердую Серегину башку, рассыпаясь вдребезги.

Возможно, многие сомневаются в том, что именно удар яблоком по голове подвиг Ньютона на открытие закона всемирного тяготения, но амфора, рухнувшая на голову бывшего бизнесмена, разбившись, наоборот, собрала ранее роив-

шиеся без особенной системы мысли в одну прочную конструкцию.

– Какой хороший цемент… – пробормотал он вслух и с диким криком «Эврика!», как был голый, кинулся в дом.

Рамоон, собиравшая на стол, несколько дулась на «мужа».

В последнее время из-за крайней усталости он нередко манкировал супружескими обязанностями, отговариваясь «тяжелым днем», «поздним временем» и прочими вескими причинами. Теперь же, увидев голого мокрого мужика, блажившего что-то непонятное, она подскочила, словно ужаленная в самое интересное место, и мгновенно скинула нехитрую домашнюю одежонку, трезво решив, что тот просто решил разнообразить вечерний досуг, а упускать момент – глупо.

– Еврика! – радостно вторила она Сергею, норовя повиснуть у него на шее. – Еврика!

«Может это клич у них за морем такой любовный? – думала она. – Вон ведь у зверей тоже так бывает… Только люди все больше молчком, да тишком…»

И разочарованию не было предела, когда он, даже не обратив на нее внимания, рухнул на колени перед чаном с замоченной «робой» каменотеса и принялся торопливо обдирать с нее катышки засохшей пыли, становившейся при стирке сущим наказанием: попробуй раздолби камушек, а отрывать – ткань испортишь.

– Еврика… – жалобно повторила Рамоон, уже теряя на-

дежду привлечь к себе внимание внезапно спятившего Серр-Гея. – Еврика…

«Неужели он не видит, какая я красавица? – грустно думала она, следя за непонятными манипуляциями мужчины. – Как я хочу его, как я люблю его?.. Для кого я крашу губы? Для кого я умащиваю кожу маслом? Для кого я, наконец, купила эти дорогущие звонкие браслеты на лодыжки? Не хуже, между прочим, чем у храмовых танцовщиц… Я и станцевать для него могу и… и…»

Слезы неудержимым потоком хлынули из ее глаз…

И тут произошло чудо.

Дорофеев вскочил, подхватил на руки девушку и закружил по комнате ее невесомое тело:

– Ты бы только знала, Ромка, какое ты у меня чудо! Если бы ты только знала, какой я у тебя молодец!

За одно только это Рамоон могла простить любимому все на свете.

«Какой он все-таки милый…»

* * *

Увы, изобрести порох… тьфу, цемент оказалось маловато для покорения Египта.

Более того, изобретение нужно было сохранить в тайне, поскольку патентной практики еще не существовало в природе. Да и где бы его здесь применили? Отливать блоки вме-

сто того, чтобы вырубать их из монолита, конечно, гораздо проще и дешевле, но предстояла ведь транспортировка в низовья Нила, а, как говорится в меткой русской пословице: «За морем телушка – полушка, да рубль – перевоз…». Внедрять новую технологию требовалось строго на месте применения, желательно заручившись поддержкой достойного покровителя. Эх, в своем времени и родной стране Дорофеев знал бы, что делать!

Думай не думай, а первым делом следовало еще добраться до тех мест, где можно найти и покровителей, и поле для приложения сил. А ведь от Фив до Мемфиса далеко не те полторы сотни километров, которые пришлось где проковылять, где даже проползти до Фив от того места, где пленников «освободил» то ли обычный лев, то ли сам могучий Акер в львином облике, имевший какие-то свои виды на парочку, кроме гастрономических.. Пройти пешком весь этот путь нечего и мечтать. А места в караване, или, что предпочтительнее всего, в торговой барке, стоят денег.

Денег же было – кот наплакал. А ведь кроме «проездных» нужна приличная одежда, припасы в дорогу… Но и рвать жилы в каменоломне, медленно, но уверенно зарабатывая там силикоз[14], уже совсем не хотелось…

И пришлось Сергею вспоминать раннюю зарю своей ка-

---

[14] Силикоз – профессиональное заболевание каменотесов и шахтеров, как правило, развивается после нескольких лет контакта с пылью. Большинство в конце концов заболевают туберкулезом легких.

рьеры, когда он, молодой и полный наполеоновских планов, торговал с лотка всякой всячиной, благо дефицит тогда царил, спасибо чуткому руководству партии и правительства, тотальный. Рядом мирно соседствовали «Дихлофос», одинаково любимый как тараканами, так и алкоголиками (два «пшика» в газировку, и нирвана гарантирована), французская косметика польско-турецкого разлива, пластиковые крышки для домашнего консервирования и водка из-под полы. Навыки плавания в опасном море бизнеса Дорофеев приобрел именно там.

Вот и теперь, разложив на тряпице свои доморощенные товары, уселся изобретатель в длинном ряду торговцев всяческими мелочами на фиванском городском рынке.

Если бы кто-нибудь из современников взглянул на то, чем пытался завлечь коммерсант покупателей, то сразу признал бы в его поделках продукт иной, более высокой технологии, чем существующая. Чего стоили только стаканчики, несколько напоминающие высоковольтные изоляторы, которые Сергей, абсолютно не имея представления о гончарном ремесле, навострился штамповать из известковой массы. С помощью матрицы и пуансона, своими руками вырезанных из дерева! Правда, главным и, пожалуй, единственным их достоинством была лишь одинаковость… Стандарт, так сказать.

Увы, стандартизацию местные недотепы еще не умели ценить. Они останавливались, конечно, возле белоснежного

Сергеева «воинства», аккуратными рядами расставленного по холстинке, дивились, пытались найти «двенадцать различий», но раскошеливаться не спешили. Действительно: зачем покупать неуклюжие толстостенные сосуды, которые никак не станут украшением стола, когда в соседнем ряду завались подлинных произведений гончарного искусства? Ну и что с того, что не бьются? Не для того ведь покупают посуду, чтобы ежесекундно швырять об пол? А если и разобьется иногда, то это к счастью! В конце концов, и новую плошку недолго купить…

Еще меньше «небьющихся» стаканчиков (которые все-таки в ряде случаев бились не хуже обычных, глиняных) пользовались спросом аляповатые статуэтки, глядя на которые зачастую трудно было отделаться от мысли, что изготовлены они без помощи рук. Сплошной модернизм.

А что делать, если главным шедевром, вылепленным маленьким Сережей в четвертом классе на уроке труда, была голова динозавра, которую учительница сослепу приняла за нечто иное и выгнала из класса под обидный хохот товарищей. Да еще двойку в четверти влепила за якобы «непристойное поведение на уроке»… Но ведь это на самом деле была голова динозавра! Жорка мог бы подтвердить – он туловище лепил. Вот, кстати, кто мог бы отличиться на поприще художественной лепки из революционнонового композитного материала, да где ж его взять…

Ромка почти ничем не могла помочь любимому в ис-

кусстве ваяния, но подсказала кое-какие идеи, и под ее чутким руководством родились (опять-таки штампованные) зернышки для бус, пряжечки и подвески. Отлично получились бы пуговицы, но у египтян одеяния, требующие застежек, не слишком-то котировались.

Такая стандартизованная фурнитура шла на ура, и фирма «Дорофеев, Рамоон и К°» едва успевала пополнять запасы. Жаль только, что оптовых покупателей не предвиделось, а розница приносила сущие гроши…

Погруженный в невеселые думы, Сергей сидел в тенечке, замотав голову тряпицей, наподобие феллаха. День выдался жаркий, и рубаха была сброшена за ненадобностью. Да, почитай, две трети торговцев сверкали голыми торсами, может быть лишь не такими волосатыми, как у Дорофеева.

– Чего это у тебя? – раздался над головой незнакомый голос.

– А? Ага. Вот стаканчики для всего на свете, не бьются, не ломаются… Вот бусы…

– Да я не про рухлядь твою спрашиваю! Вот это что такое?

Сергей недоуменно поднял голову.

Смуглый палец незнакомца самого что ни на есть криминального вида указывал на левое плечо торговца, где под рыжеватой курчавой шерстью виднелась чуть смазанная от времени эмблема воздушно-десантных войск с гордой надписью «ДМБ-87».

– Что-что… Наколка. Татуировка то есть. Сам не видишь?

– А ты на меня кувшин не кати, понял? – растопырил пальцы блатной. – Ехзар замазанный!

Кто такой «ехзар», да еще «замазанный», Дорофеев пока еще не знал, но догадывался. А также догадывался, что это банальный наезд, причем совсем левый, так как с местной братвой, крышующей рынок, давно были установлены долженствующие ситуации отношения. Уж в чем-чем, а в подобных вопросах коммерсант толк знал.

– Базар фильтруй, понял? – Пальцы Сергея сложились в не менее замысловатую конструкцию, а слегка напряженный бицепс (в каменоломне он сбросил лишний жирок и прилично подкачался, не хуже, чем в тренажерном зале) довершил дело.

Жулик заметно занервничал, пару раз оглянулся и заговорил уже иным тоном:

– Слышь… За ехзара извини, паря, погорячился…

– Замяли, – длинной струйкой слюны чвыркнул в сторону Дорофеев. – Чего надо-то?

– Да вот… Ту… Тутировка эта… Сделать такую красоту еще сможешь?

– Тебе? Дорого будет стоить.

– Да не мне… Я чо… Пахану нашему…

Так, нежданно-негаданно, Сергей нашел для себя новый, практически неиссякаемый источник доходов, поскольку «наколочное» дело он знал, любил и был в нем своего рода виртуозом, в отличие от скульптурных экзерсисов…

8

Требуется симпатичный, воспитанный сибиряк. Оплата – сдельная. Прививки и родословная приветствуются.
Из объявления в газете

– Вот на таких условиях Та-Бастаа готова показать нам тайный лаз в эту гробницу, – закончила Жанна свое недолгое повествование, когда вся четверка вновь собралась за шатким столом «штаб-квартиры».

Спасатели и вновь примкнувший к ним Нестах надолго задумались. Причем последний, пребывая в глубокой задумчивости, по миллиметру двигал руку в направлении аппетитно обтянутого тонкой тканью Жанниного бедра.

– Ну, допустим, – неуверенно начал Горенштейн, – сохранность вверенного имущества мы им можем гарантировать…

– Ага! Особенно с этим! – Девушка скинула со своей талии шаловливую ручку вора и от души залепила тому звонкую пощечину. – Разве только связать его по рукам и ногам.

– А я и без рук могу! – огрызнулся грабитель могил, потирая скулу и отворачиваясь. – Если пошуровать в могилке не дадите – я вам не компания. Нашли дурака!

– Ну, ладно. Как-нибудь… – Наивность Дмитрия Михайловича не знала предела. – Но где мы тут найдем Та-Бастаа

кота? Я имею в виду самца, удовлетворяющего всем ее условиям: породистого, обладающего первосортными… к-хм… статями и, главное, умного! Как мы сможем определить ум у кота?!

– Да уж не диплом у него спрашивать! – ехидно поддел ученого Георгий. – Университетский…

– Никакого не найдете, – уверенно заявил Нестах. – Говорил же я вам: коты – редкость!

– Так прямо и не найдем!

– Не найдете. Во-первых, – принялся загибать пальцы жулик, – их действительно мало. Редкий горожанин отважится пойти против закона и оставить котенка мужского пола. Во-вторых, если отважится, то, поверьте мне, дрожать будет над своим котиком, как над самой дорогой реликвией. И уж, без сомнения, работы ему найдется предостаточно без храмовых стервоз. В-третьих, его еще нужно уговорить…

– Хозяина?

– Зачем хозяина? Кота. Вы что, решили спроворить мужика, пусть и хвостатого, на такое дело без его согласия? Не выйдет. По себе знаю.

– Про себя не говори, – шлепнула Жанна по блудливой руке, как бы без ведома своего хозяина вновь подбирающейся к ее филейным частям. – Тебя, паршивец, и уговаривать не нужно!

– Ну, я – это я… – вздохнул Нестах, временно отступая на этом участке фронта. – Вы кота попробуйте…

– Значит, ничего не выйдет? – упавшим голосом проговорил Горенштейн.

– Ну почему? Можно, к примеру, съездить в Бубастис, добиться аудиенции у главной жрицы, выпросить новорожденного котика… Кстати, придется отстегнуть храму кругленькую сумму в виде добровольного пожертвования. Они, конечно, котятами не торгуют, но и бесплатно их не раздают. Кому попало… – Последнее замечание адресовалось Жанне, уставшей от атак и придвинувшей к себе кочергу. – Священное животное. Не ехзар какой-нибудь…

– Тогда чего же мы тут сидим! – подскочил Дмитрий Михайлович. – Собираемся и…

– …и холить-лелеять его пару-тройку лет, – закончил вор, невинно глядя в потолок. – Или Та-Бастаа несмышленыш нужен? Годный лишь сиську сосать?

Крыть было нечем, и вскочивший на ноги ученый снова медленно уселся на свое место. Тут слово взял молча обдумывавший что-то доселе Жора:

– Не знаю, как там насчет родословной… – не очень уверенно начал он.

– Ты считаешь? – перебила его Жанна, загораясь…

* * *

– Нет, нет и еще раз нет!

Сказать, что Дмитрий Михайлович сердился, означало не

сказать ничего. Он был возмущен, разгневан! Он просто кипел, шипел и пузырился от гнева! Таким его еще никто из товарищей не видел. Никогда.

– Я готов, конечно, для спасения Сергея Витальевича вернуть нас троих обратно, а потом переправить вас, Георгий Владимирович, туда, куда вы просите. Но взять с собой ЭТОГО!.. Нет, нет и еще раз нет! Даже не просите!..

Разговор, естественно, происходил с глазу на глаз, без Нестаха, выдворенного под очень благовидным предлогом. Растаявшего вора согласилась на полчасика увести Жанна, и то после настойчивых просьб Арталетова. Прогуляться под ручку до рынка, а вовсе не туда, куда вы подумали.

– И дело даже не в том, что мы тащим в будущее человека из прошлого, создавая тем самым неслыханный, чудовищный анахронизм! В конце концов, мы уже имеем прецедент – нашу милую Жанну… Но вы ведь хотите взять его туда НА ВРЕМЯ, чтобы потом преспокойно вернуть назад. Нет, я не могу этого позволить!

– Значит, вы хотите, чтобы этот тип без руля, ветрил и нравственных принципов остался здесь, снова от скуки напился в каком-нибудь кабачке, растрепал про наши планы ограбить государственную могилу?.. Да нас к нашему возвращению уже будет поджидать целая толпа радостных встречающих! С копьями в руках и кандалами наготове.

– Но вы же понимаете…

– Что он, возвратившись, начнет направо и налево расска-

зывать о чудесах, виденных в двадцать первом веке? Да кто же ему поверит, Господи? Что, мало было в прошлые века сказочников, юродивых, да и просто сумасшедших, плетших всякие небылицы о грядущих веках?

– И все равно…

– Да он уже сейчас рассказывает нечто подобное, причем совсем без нашего с вами участия. Вам что, мало его «пророчеств» о мавзолее, выносе Сталина и этом… приватизаторе? Вы только портрет Владимира Ильича на его груди вспомните!

– Ну, я не знаю… – замялся Горенштейн, чувствуя, что все его доводы разбиваются железобетонными аргументами Георгия в прах. – Но вы не можете отрицать, что Нестах – отъявленный негодяй! Как я могу быть уверен в сохранности имущества Сергея Витальевича, когда там будет во все щели совать свой нос этот клептоман? Это же криминальный тип!

– Эх, Дмитрий Михайлович, Дмитрий Михайлович, – горестно вздохнул Арталетов, с сожалением умудренного опытом человека глядя на ученого, как на несмышленыша, выдавшего очередную глупость. – Если бы вы знали, за каким криминальным типом я собираюсь, то так не говорили… Это Нестах – негодяй? Да Нестах – выпускник института благородных девиц по сравнению с этим созданием!..

* * *

– Ну что, – Георгий, снова превратившийся в шевалье д'Арталетта, придирчиво осмотрел себя в зеркале. – Кажется, на этот раз я несколько лучше подготовился к путешествию…

Да, что ни говори, а человек, проживший в чужой среде несколько месяцев, даст сто очков вперед новичку, лишь в первый раз ступающему на незнакомую для себя почву.

Арталетову даже смешно было вспомнить, каким чучелом огородным он в прошлый раз явился в средневековую Францию, наивно надеясь сойти там за своего. Мосфильмовские обноски, даже если их носил прославленный киноактер, никак не могут сойти за дворянский костюм. А д'Арталетт, как ни крути, пусть небольшого калибра, но все-таки вельможа. Жаль только – казненный… Но ведь средства массовой информации тогда не так уж были и развиты? Газет и тех не придумали. Все, кроме королевских ордонансов[15], – слухи и домыслы, «сарафанное радио» и откровенные спекуляции. А-а! Авось и сойдет.

Нет, этот новый колет, который своими руками вышила Жанна, даже лучше того будет, доставшегося палачу вместе со всем имуществом казненного. А ведь за него пришлось

[15] Ордонансы (от *франц.* «ordonner» – «приказывать») – в ряде государств Западной Европы, в частности во Франции, в XII—XIX веках – королевские указы.

папаше Лярю целых два экю выложить. И чего девчонке не заняться на родине честным, достойным ремеслом? Зачем к разбойникам подалась?..

«Пора…»

Георгий пристегнул к поясу кинжал, водрузил на голову берет и взял со стола шпагу в ножнах (тоже не та первая его «тыкалка», а солидное боевое оружие). Ветерком пробежала мысль о том, что все эти манипуляции походят на подготовку к космическому старту, лишь вместо скафандра – средневековый наряд. Вполне здравая мысль, между прочим.

– Я готов, – просто сказал он друзьям, ждавшим за дверью. – Вперед…

– Может, все-таки возьмешь меня с собой? – прижалась к плечу зареванным лицом Жанна. – Или не поедешь… Бог с ним, с этим котом. Найдем и здесь где-нибудь. Мало ли их по помойкам шастает? И все на одно лицо… На морду то есть…

– В самом деле, братан! – горячо поддержал девушку Нестах, уже чувствовавший себя в будущем как дома и успевший изучить все окрестности. – До фига их тут, котов этих! Зачем куда-то переться? Я с одним на помойке перемигнулся: полосатый, здоровенный, лохматый – большого ума, чувствуется, котяра! Я его даже зауважал… Самое то, что Та-Бастаа этой нужно. Да он их там всех…

– Такого, боюсь, не найдем, – вздохнул Георгий, легонько чмокнул любимую в теплую золотистую макушку и решительно отстранил.

– Ну, Дмитрий Михайлович, приступим?..

Часть вторая
Париж на час

9

«Донором крови и ее компонентов может быть каждый дееспособный гражданин в возрасте от 18 до 60 лет…»
Инструкция о добровольном донорстве

Как ни старался Георгий хотя бы раз завершить перемещение в полном сознании, ему это снова не удалось. Очнулся он в полной темноте, кругом шумели под холодным ночным ветром деревья, накрапывал дождик… Правда, на этот раз ощущения были несколько иные, чем в тот, первый раз.

Он не сидел и не лежал.

Он висел.

Висел между небом и землей, ощущая, как завязки плаща, туго перехлестнувшие шею, постепенно доделывают то, что не удалось старине Кабошу с его костром. А ножны с кинжалом достать не удавалось никак. И ситуация все менее и менее теряла комичность, понемногу сползая в трагедию.

«Интересное кино. – Сделав чудовищное усилие, что при общей неспортивности „гимнаста“ само по себе казалось по-

двигом, Арталетов изогнулся в замысловатую фигуру и сумел-таки извлечь кинжал из туговатых ножен. – А если бы я в себя не пришел? Что бы подумали какие-нибудь крестьяне или лесорубы, обнаружив поутру в кроне придорожного дуба удавившегося на собственном плаще дворянина? Ручаюсь, что еще никто в здешних местах не сводил счеты с жизнью таким изощренным способом!..»

Холодная сталь змейкой скользнула между горлом и натянутым кожаным ремешком и… вот она, свобода!

Георгий стоял рядом со своим плащом, свисающим с самой нижней ветви опять-таки не дуба, а какого-то бука или граба, озадаченно поглаживая шею, ненароком поцарапанную острейшим толедским лезвием. Если бы вместо того, чтобы выделывать акробатические кульбиты, он всего-навсего постарался дотянуться носками сапог до земли – не было бы необходимости портить хорошую вещь. Как теперь закрепить плащ? Булавкой что ли?

Увы, в его меркантильные переживания вплелся иной компонент…

Что-то мелкое, медленно и щекотно проваливалось за шиворот. Что-то живое и пр-р-редельно агрессивное…

– Опя-я-я-ать?!!..

* * *

Все еще почесываясь, и передергивая плечами, Георгий

шагал по пожухшей осенней траве, куда глаза глядят.

Несмотря на напоминающую дежа вю атаку крошечного лесного разбойника, возможно последнего в этом сезоне, «хрононавт» не вполне был уверен в том, что рассеянный ученый отправил его именно в то место, да и в ту эпоху, которая его интересовала.

Мало ли в Европе таких вот дремучих лесов. А вдруг на опушке – стойбище древних французов, отдыхающих сном праведников после охоты на мамонта? Или, наоборот, летний лагерь каких-нибудь бойскаутов? Не лучше ли сразу нажать на кнопку «хрономобиля» и перенестись обратно, взять Горенштейна за грудки и потребовать отправки куда-нибудь в предместья Парижа? В конце концов, черт с ним и его вечной боязнью анахронизмов! Анахронизмов бояться – в прошлое не летать!

А погодка-то совсем не летняя. Как они в шестнадцатом веке обходились без плащей из синтетики, непромокаемой обуви и теплого белья? Особенно без последнего. И вообще, это сущий мазохизм – шлепать по лужам в сапогах, которые пропускают влагу, словно промокашка, и чувствовать, как ледяные струйки стекают по волосам и спине. Немудрено, что люди в прошлые эпохи с трудом доживали до шестидесяти. Они, правда, и теперь кое-где едва до пятидесяти с небольшим дотягивают, но это же не показатель!..

Арталетов оглушительно чихнул и зашарил по карманам в поисках носового платка, а потом еще минут пять вертел в

руках мокрую тряпицу с кружевным краем, которой сейчас хорошо было бы стекла у автомобиля протирать, а не под носом.

– Чтобы я еще хоть раз…

Стоп! Что там светится за поворотом дороги?..

А мрак и не собирался развеиваться, как в прошлый раз. Сам же, идиот, просил отправить себя не в то же время, а чуть попозже, чтобы несколько подзабылись в народе два подряд неудачных аутодафе[16]. Вот и угодил в позднюю осень – листья-то на деревьях почти облетели, глядишь, и снежок начнет пролетать.

Здание выплыло из мрака черной громадиной… Не такой, впрочем, и громадиной, но нужно же отдать должное устоявшимся штампам!

Ну-ка, ну-ка… Те же самые полтора этажа, черепичная остроконечная крыша с башенкой, намертво приржавевший флюгер в виде петуха… Так это же харчевня папаши Мишлена! Нет, все-таки рано он ругал меткость Дмитрия Михайловича, слишком рано…

Хм-м, и русалка неопределенного пола с кружкой отсутствующего в ассортименте пива на месте…

Георгий уже взялся за осклизлое металлическое кольцо на двери, как где-то неподалеку раздался жуткий вопль, ко-

---

[16] Термином «аутодафе» в средние века обозначали акт исполнения приговора суда инквизиции, особенно сожжение еретика на костре. Последнее аутодафе состоялось в Мексике в 1815 году.

торому самое место в хичкоковских ужастиках, а вовсе не в добропорядочной средневековой Франции. Принято писать, что при таких звуках у героев стынет в жилах кровь. Арталетов же, которого и так колотило, будто в лихоманке, никакого понижения температуры не почувствовал. Ну, орет и орет, что с того? Может, прищемил себе что-нибудь… Прищемила… Прищемило…

Вопль не повторялся, и Георгий, пожав плечами, вежливо грохнул о рассохшиеся доски кольцом, которое, как он отлично помнил, здесь заменяло и дверную ручку, и звонок заодно. Очень удобно, между прочим.

– Входите, не заперто… – глухо донеслось изнутри.

«Он что, не спит совсем? – подивился Арталетов, запахивая мокрые полы плаща. – Голос вроде не заспанный…»

Но размышлять под проливным дождем про то, жаворонок хозяин или все-таки сова, было как-то не с руки, и путешественник, толкнув действительно незапертую дверь, вошел внутрь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.